

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНКУРС МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
на приз имени Бориса Богаткова

Ради ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ

10 лет

2017 — 2026

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
города Новосибирска «Централизованная библиотечная
система Октябрьского района»

Ради **ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ**

**СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА**

НОВОСИБИРСК
2026

ББК 84(0)-5
В 81

Сборник издан при поддержке
Конкурса социально значимых проектов для предоставления грантов
в форме субсидий в сфере поддержки общественных инициатив
управления общественных связей
мэрии города Новосибирска

Распространяется бесплатно

В 81 **«Ради жизни на земле»:** Сборник стихов финалистов Международного конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова / Вступительная статья В. В. Шатовкина ; дизайн, верстка Л. А. Игнатовой, начальника рекламного-издательского отдела МБУК ЦБС Октябрьского района. – Новосибирск: МБУК ЦБС Октябрьского района, 2026. – 86 с.: ил.

ISBN 978-5-6051788-3-5

В книге собраны стихи финалистов Международного конкурса молодых поэтов на приз имени Б. А. Богаткова 2026 года.

ISBN 978-5-6051788-3-5

ДЕСЯТИЛЕТИЕ, НАПОЛНЕННОЕ СТИХАМИ

Сегодня Международному конкурсу молодых поэтов на приз им. Бориса Богаткова исполняется 10 лет. Это не просто цифра, за которой стоит определенное количество дней, стихов, поэтов – это целое пространство, которое было создано кропотливым и усердным трудом библиотекарей, членов жюри, участников, но самое главное – вдохновением, творчеством и талантом. Начавшись как городской конкурс поэзии в рамках «Эстафеты патриотизма поколений», наша инициатива доросла до международного уровня, обретя не только свой статус и славу, но и верных друзей, единомышленников и последователей. Поэтический конкурс стал маяком творчества для молодых поэтов со всех регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. За эти годы участниками мероприятий стали более трех тысяч творцов слова.

В Новосибирске и Новосибирской области ежегодно проводятся праздничные мероприятия, объединяющие как любителей, так и профессионалов литературного мастерства, учащихся школ, представителей культурных сообществ города и многих других. О Международном конкурсе молодых поэтов говорят телевизионные выпуски и радиопередачи, яркие интерьеры вагонов метрополитена и поэтические акции, картинные галереи и молодежные фестивали. Но самое главное достижение этого поэтического десятилетия – это, конечно же, стихи. Вы держите в руках десятый, юбилейный поэтический сборник, и здесь за каждой строчкой стоят не просто размышления или сиюминутные эмоции – здесь судьбы, поколения, биографии и то, что отличает поэзию от обиходной и повседневной речи – образность человеческой жизни.

Виталий Шатовкин,
*президент НРОО «Библиотечное сообщество «Наследники Будагова»,
директор ЦБС Октябрьского района города Новосибирска*

СЛОВО ВО ИМЯ ЖИЗНИ

С 2017 года Централизованная библиотечная система Октябрьского района Новосибирска совместно с Новосибирской региональной общественной организацией сохранения историко-культурного наследия «Библиотечное сообщество „Наследники Будагова“» проводит конкурс молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова.

2026 год стал особой вехой в его истории – состоялся десятый, юбилейный конкурс. Организационную поддержку проекту оказывает департамент культуры, спорта и молодёжной политики мэрии города Новосибирска, а его постоянными организаторами остаются библиотечная система района и общественная организация «Наследники Будагова».

За годы своего существования конкурс прошёл путь от городской литературной инициативы до международного творческого проекта, объединившего молодых поэтов из всех регионов России и 26 стран мира. За это время более 3 200 авторов прислали на конкурс свыше 8 000 стихотворений. В 2026 году участниками конкурса стали 485 поэтов. Для них поэтическое слово стало способом выразить любовь к Родине, сохранить память о прошлом и осмыслить настоящее. Мы получили десятки тёплых отзывов и слов благодарности от молодых авторов. За каждой такой благодарностью – радость творческого участия, возможность быть услышанным, поделиться своими мыслями и чувствами с читателями, найти единомышленников и сделать ещё один шаг на пути к литературному признанию.

К участию в конкурсе приглашались молодые авторы в возрасте от 14 до 35 лет. Свои произведения они представляли в трёх номинациях, каждая из которых раскрывает особую грань поэтического творчества: «Спасибо за память, потомки» – стихи, посвящённые событиям и героям Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, сохраняющие память о подвиге поколения победителей; «Я слышу твой голос, Родина» – произведения гражданской и социальной лирики, отражающие размышления авторов о судьбе страны, её настоящем и будущем; «Я сердцу не лгу» – лирическая поэзия, в которой находят воплощение личные переживания, искренние чувства и сокровенные мысли.

В итоговый сборник включены также произведения авторов, не ограниченных возрастными рамками конкурса. Их участие расширяет творческий диалог поколений, объединённых любовью к поэтическому слову и стремлением выразить своё отношение к миру, человеку и Родине.

Результаты конкурса 2026 года:

Гран-при – Гладченко Жанна (Курск) за цикл стихотворений

Номинация «Не властны над памятью годы»:

- 1 место – **Иванова Дарья** (Чебоксары) «Бабий Яр»
- 2 место – **Федорова Вероника** (Саратов) «Медвежонок»
- 3 место – **Плотникова Эвелина** (Астрахань) «Среди зелени сочной полоскою узкой...»

Номинация «Голос времени»:

- 1 место – **Беннер Анастасия** (Омск) «Кружится, стелется, выюжит метелица...»
- 2 место – **Шугайпова Екатерина** (Приютово, Республика Башкортостан)
«Родная и близкая сердцу земля»
- 3 место – **Воронков Артем** (Слобода, Воронежская область) «Отечества солдат»

Номинация «От сердца к сердцу»:

- 1 место – **Пименов Анатолий** (Наро-Фоминск, МО) «Из чего на Руси строих храмы?»
- 2 место – **Окулова Лада** (Очёр, Пермский край) «А мне б хотелось на деревню к бабушке...»
- 3 место – **Липатов Елисей** (Чехов, МО) «Зелёный бархат»

Материалы конкурса размещены
на сайте библиотеки им. Л. Н. Толстого:

<https://cbstolstoy.ru/projects/contests/contest-of-young-poets>

Раздел 1

СОЗВЕЗДИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ГРАН-ПРИ КОНКУРСА

Гладченко Жанна

Курск

В белорусском лесу
В белорусском лесу, где привал я нашел,
Видел сон, тишиною нашептанный:
Середина весны, и багульник зацвел,
И порог, сапогами истоптанный.
Видел я, будто там уж не ждали меня.
Но, годами войны перемененный,
Так хотел я коснуться родного огня,
Что сумел бы смириться с изменою.
Вышла женка моя, засмеялась в сених,
И сказала, что больше не свидимся.
Я увидел слезу в потемневших глазах,
И как будто совсем не обиделся.
Сон растаял, как дым, я сидел и молчал.
Ни к чему об измене печалиться.
Вдруг из леса солдат мне другой закричал:
«Рядовой, разрешите представиться?!»
Следом третий, четвертый ко мне подошли,
И осинник трещал под подошвами.
В белорусском лесу, где привал мы нашли,
Вспоминали лишь только хорошее.
– Ты давно здесь, браток? Видно, нынче пришел,
Мы вот вместе с весны сорок третьего.
Там снаряд прилетел, здесь попали в котел...
В общем, бились мы, брат, до последнего...

В белорусском лесу, где покой я нашел
Теплым августом сорок четвертого,
По весне на привале багульник расцвел
И укрыл гимнастерку потертую.
И когда мы с друзьями ложились в траву,
Видел сон, забытjem не отравленный:
Середина весны, и совсем наяву
Дом родной с незакрытыми ставнями.
Там и женка моя уж бежит за порог
Не убита, никем не измучена.
Я ей в косы заплел полевой василек –
Жаль, при жизни не выпало случая...
А потом я вернулся обратно в леса,
Где покоимся мы – безымянные.
В сорок пятом явилась Победной весна –
И цветущею, и долгожданною.
Сколько мýнуло лет, мы стоим на посту,
В списках мы – не живые, не павшие.
Мы останемся здесь, в белорусском лесу,
Как солдаты, без вéсти пропавшие.
И когда за столом и веселье, и смех,
Вы, Победы Священной наследники,
Вспоминайте о нас. Вспоминайте о тех,
Кто в лесах прорастает бессмертником.

Седает туман над рекой, над долинами.
Шагает солдатик дорогами длинными.
Шагает солдатик болотами топкими,
И тело терзают лозиночки тонкие.

Что ищет солдат и на что он надеется? –
Что в родной сторонке заря заалееет.
Но только б заря, а не вихорь пылающий,
Но только б не видел он хату сгорающей.

Он ищет луга и просторы родимые.
Нет, это не он схоронил свою милую.
Нет, это не он там лежит, умирающий
И в землю под яром костями вырастающий.

Ведь ждет его дома жена с колыбелькою.
Не их он навеки накроет шинелькою.
А будет весна, и с победою – встретятся.
Родное окошко, лампадочка светится...

А годы идут. Под родною черешнею
Уж новая жизнь зацвела пуще прежнего.
Над дитятком милым родные наклонятся,
Не зная о том, что под яром хоронится.

Седает туман над рекой, над долинами.
Шагает солдатик дорогами длинными.
Шагает солдатик болотами топкими,
И душу терзают лозиночки тонкие.

Я просто люблю тебя искренно
И преданно очень люблю.
То холодно смотришь, то пристально –
Я в этом тебя не виню.

Не мне ли, познавшей отчаянье,
Не сложно во взгляде узнать
Отвагу, любовь и раскаянье
Души, что устала страдать.

Без капли стеснения и гордости
Склоняюсь смиренно к ногам.
Корабль мой мчится над пропастью
К далеким твоим берегам.

Совсем не прошу я взаимности.
Мне в радость, что я не одна!
В любви не бывает повинности.
О нравы! И о времена!

И пусть ничего не останется,
Ты будешь и хлеб мне, и дом.
Тебе не сестра, не племянница,
Но ты не печалься о том.

Ты машешь мне веткой смородины.
Я – жизнь посвящаю свою...
Я просто люблю тебя, Родина!
Всем сердцем горячим люблю!

Я России моей до земли поклонюсь
Да губами прижмусь к родникам за долиной.
У России в душе синеокая грусть
Да огонь полыхает кустами калины.

У России мои широки рукава,
Зеленеет подол у нарядного платья.
Ей жених – Енисей, ей подруга – Нева.
Оберегом ей – крест, горы Крыма ей – братья.

У России есть я! У России есть мы!
Мы – армяне, татары и азербайджанцы.
Мы – народы марийцев, удмуртов, мордвы,
Мы – казахи, чеченцы, ингуши, аварцы.

Неделимые части великой страны
И узбек, и киргиз, белорус, украинец.
У России есть я! У России есть мы!
Осетин и чуваш, и башкир, и даргинец.

У России в косе молодой – седина.
От былинных побед до грядущих свершений
В ней особая статья. Ей вершилась судьба
И характер ковался в горнилах сражений!

Я России моей до земли поклонюсь.
Ей и делом и словом себя посвящаю.
Тем, что русская я – беззаветно горжусь!
Оберегом нам – крест да молитва святая.

А Сентябрь говорит: «У меня же здесь дом.
Я пришел, так встречай меня ягодным чаем.
Устелю нам постели кленовым листом.
Я принес в мятой сумке дождей и печали.

Ты же любишь стихи. Напиши для меня.
Я принес карандаш и бумаги немного.
Поцелую тебя у ночного огня –
Не противься тому и не будь недотрогой.

Я принес тебе сны об ушедшей любви,
О тепле, о весне. Посмотри, как красиво!
Я принес барбариса, брусники, айвы,
Облепиху, шиповник и терпкие сливы.

Ты не зябни в руках неумелых моих
И прости – целый год я по свету скитался.
Я принес грустных сказок и чар колдовских.
Я был верен тебе и ничьим не поддался.

Дай руками коснуться медовых волос.
Сколько жизни в тебе, доброты и отваги!
Чуть совсем не забыл – я нам термос принес
И добыл зверобоя, ромашки и чаги.

Мы усядемся вместе с тобой у костра.
Я принес откровений и жажды объятий.
Нам душистые травы сплетут свитера –
Мой пропах чабрецом, ежевикой и мятой.

Год промчался, как миг, не грусти о былом.
С прежней страстью спешил я в любовном дурмане.
Устели нам постели кленовым листом.
Я принес тебе осень в потертом кармане».

Оставь пророчества, Кассандра*

Оставь пророчества, Кассандра,
Уснул мой город до утра.
Уснул мой дом. Уснул до завтра.
А завтра – началась война.

А завтра сердце мое вырвут,
Не возвратив родных назад,
Распнут любовь, надежду выжгут –
Как восемьдесят лет назад...

И вечный след той жуткой ночи –
Как нестареющий портал.
Кассандра, плачут твои очи
О тех, кто жизни не узнал.

А звезды – это легионы
Тех душ, что отданы за мир.
И завтра в бой уйдут колонны,
И их ничто не возвратит.

А завтра – я сквозь годы слышу:
«Вставай, огромная страна!
На смертный бой...» – и грудь не дышит,
А завтра – началась война...

Спокойно спи, любимый город,
Но знай – забыть равно предать!
Я у окна. Давно уж в пору
И нам с Кассандрой засыпать...

**Кассандра – в греческой мифологии дочь Приама, получившая от Аполлона пророческий дар. Трагические пророчества Кассандры были отвергнуты и осмеяны, но затем они воплотились в гибели ее семьи и разрушении Трои.*

Растает снег. Придет Весна.
И безучастные глаза
Домов с надеждой распахнутся
И с томной негою проснутся.
Спадет последняя слеза.

Как прежде, захотят стихов,
И первых трепетных цветов,
И песен горестных и светлых,
Воспоминаний предрассветных,
И встреч невест и женихов.

Любви. Кому она дана?
Судьба смешала времена –
Несовпадение в системе.
Ночник погаснет у постели.
Ей нужен он. Ему – она.
Проснись, проснись, жестокий мир!
Уж скоро зазвучит клавиш*,
И ожидание немое
Рекой бурлящей вены вскроет,
Весну являя ввысь и вширь.

Арктур** займет небесный трон.
Амура меткий легион
Вооружение достанет,
Зима упрямяться не станет –
Уйдет, отдав Весне поклон.

* *Клавиш – музыка для клавишных инструментов;*

** *Арктур – самая яркая звезда в весеннем небе.*

Оглохла осень

Посвящается родному Приграничью

А я ведь там была когда-то счастлива.
Там, где стоит Веселое* село.
Струился пар над деревенской пашнею,
И сердцу было вольно и светло.

Мне вторит память яркими картинками.
Запомнить я хочу его таким:
Селом веселым – русскою глубинкою,
Где не от взрывов плыл по полю дым.

Я знаю – наше счастье точно сбудется.
Не время плакать, унывать нельзя.
Не горбиться учила, не сутулиться
Взрастившая нас Курская Земля.

Где колос пал, безжалостно затоптанный,
Однажды будет жизнь и будет свет.
Оглохла осень. Плачет хриплым шепотом
И кутает себя в багровый плед.

* *Веселое – село в Курской области, уничтоженное в период оккупации приграничных территорий Курской области формированиями ВСУ.*

Песня веры

Где рождается звон золотых куполов,
Где касаются лодки родных берегов,
Где от чистых озер до небес синева –
Жив мой Русский язык, и Россия жива!

А пока на Руси есть и пахарь, и жнец,
И земля, и народ, и любовь, наконец,
И пока Божья Матерь дарует Покров –
Не иссякнет вовеки российская кровь!

Песней веры на строчки слагая слова,
Я в веках повторяю: Россия жива!
И огнем, и мечом, булавой и свинцом,
И былинным заветом своих праотцов.

Хоть была на мече, утопала в свинце,
На коленях стояла в терновом венце,
Но осталась жива в поколениях имен
Куполами церквей, светлым ликом икон.

И пока теплый хлеб созревает в печи,
Бьют живительной влагой большие ключи,
Не склонятся колени ее и глава.
Как молитву твержу я: Россия жива!

Номинация

«Не властны над памятью годы»

1 место

Иванова Дарья

Чебоксары

Бабий Яр

Хватит выстрелов! Может, призыв не нов,
Но хочу, чтобы, где бы ты ни был, знал:
Это был самый жуткий из страшных снов,
И с тех пор я ни дня не спал.

Ты незванным ворвался в ночи в мой дом,
В прах пытаюсь нетленное превратить.
Грабил, рушил, сжигал... и свершил потом
То, что я не смогу простить:

Ты привел мне моих же детей на казнь,
Словно я для того на земле возник,
Чтобы песнь их навеки оборвалась,
Чтобы дух их навеки сник.

Видел я, ты коричневою чумой
Расползлся по свету, гноясь, гния.
Скольким выпал еще горький жребий мой?
Сколько в мире таких, как я?

Я рыдал, я кричал, я просил не сметь
Неповинных карать, отменить расстрел!
Но по капле в меня проникала смерть,
Я от смрада ее зверел.

Только ты просчитался. Со мною Бог.
И народ мой, представ предо мной нагим,
Весь в крови и слезах, умереть не мог,
Сочиня победы гимн.

Хватит выстрелов. Или придет беда.
Сколько б лет ни прошло по календарю,
Ты не выстоишь – ты проиграл тогда.
Это я тебе говорю –

Тот, чья память – осколок большой войны,
Тот, чье тело – для боли людской футляр.
Оглушенный, я требую тишины!
Ибо имя мне – Бабий Яр.

2 место

Федорова Вероника

Саратов

Медвежонок

Впервые увидев тебя, я подумал – ошибка.
Откуда ж берут вот таких желторотых девчонок?
Ты, глядя упрямо, шагала навстречу с улыбкой
И с сумкой, в которой был спрятан кривой медвежонок.

Вихры на макушке взъерошены перьями птички.
И как нам возиться с таким несмышленным ребенком,
Ну что ж с тобой делать? Досталась же нам
медсестричка.
У всех вон – врачи, а у нас лишь дите с медвежонком.

Казалось, сломаешься, если подуть посильнее,
Но ты и в дыму, и в пожаре всегда улыбалась,
Девчушка вихрастая нам становилась своею
За всех дочерей и сестер, что в тылу оставались.

Голодной, чумазой ли девочка наша не плачет,
Поет у костра вечерами, смешит нас, храбрится,
«Зачем тебе мишка?» – спросил я. «Его на удачу
Мне мама дала. Может быть, он на что и сгодится».

Однажды попали в засаду. Как проклятый факел
Ни небо, ни пекло в тот день не видали покоя.
Но в копоты, в гари, в дыму, словно маленький ангел,
Девчонка бойцов на себе выносила из боя.

Я ранен был, с жизнью прощаясь нелепо, некстати,
Но ты рассмеялась, как речка весенняя, звонко:
«Чего ты раскис, как мальчишка, прорвемся, солдатик!» –
И мне под шинель запихнула рукой медвежонка.

Так вышло – я жив и я снова считаю рассветы.
Но где ты теперь? С кем ты вместе смеешься, сестренка?
Прошу, обещай мне, что ты доживешь до победы,
А я для тебя сохраню твоего медвежонка.

3 место

Плотникова Эвелина

Астрахань

Среди зелени сочной полоскою узкой,
Голубым лоскутом проглянул небосвод.
Благодаря! Только сердце земли Белорусской
Разрывают снаряды уже второй год.
Оно стонет под дулом фашистских орудий,
Оно плачет в дыму Тростенецких* печей,
Оно хочет кричать: «Стойте! Нет! Вы же люди!», –
Только глухи и слепы стада палачей.
И разносят ветра треск горячей Хатыни**,
Обреченных молитв разногласий поток.
Жизнь разбитая медленно инеем стынет,
Кровью аистов залит родной уголок.

В первозданной глуши, в неприметной землянке,
В том лесу, что как будто не знает войны,
Три цветка, три девчонки, три партизанки
Говорили, какие им виделись сны.
«Мне подружки приснились, – сказала Наташа, –
Мы резвились, дурачились после жнивы.
Негу отдыха лучше, негу радости слаще,
Чем бежать босиком средь высокой травы!
Чем купаться во мгле предрассветных туманов!
Чем лицо подставлять свежей струйке ручья!
Чем вдыхать запах вишни медово-дурманный!
Ах, Рязань! Я скучаю, родная моя!»

«А я видела сына, – сказала Амина –
Он лежал, как котенок, в ладонях отца.
Он родился под тайный призыв муэдзина***,
Дождь тогда барабанил, как гроздь свинца.
Мой Шамиль! Нет на свете прекрасней ребенка!
Его глазки черны, как чеченская ночь!
Я кормила, баюкала, стлала пеленки...
Вдруг война – черной злобы и ужаса дочь!
Это больно – не знать, где друзья и родные,
Это страх – видеть дым, слышать взрывы вдали,
Но я буду идти хоть сквозь пули шальные
Ради сына и ради Чеченской земли!»

«Мне же снилась абика**** – сказала Сабина, –
Мне с рождения мамою стала она.
От нее пахло смесью муки и жасмина,
Ее теплые руки – как жар казана.
Она в радости мне не дала возгордиться,
А в печали душой помогла не упасть.
Уходя, я едва с ней успела проститься –
Заглотила войны остроzubая пасть.

Умирать не боюсь. И в плену не сробею.
Пусть ведет нас судьба по дорогам земным.
Этот ужас пройдет, и прильнуть я сумею
Поцелуем к щекам одряблевшим, родным».

Отшумели боев гроззовые раскаты,
Облетел календарь бело-желтой листвою.
Три цветка, три девчонки смеялись когда-то...
Три могилы теперь зарастают травой.
Иногда о Наташе обронят подружки
Пару ласковых слов невзначай, впопыхах.
Подрастает Шамиль у отцовской супруги,
Видя мать в самых теплых, излюбленных снах.
Пожилая аби все сидит у дороги,
Устремляя вперед полувидающий взгляд.
Разный мир и народ, но едины тревоги.
«Нет войне!» – на двухстах языках говорят.

**Малый Тростенец – один из самых крупных концлагерей, расположенных на территории Беларуси.*

***Хатынь – белорусская деревня, сожженная 22 марта 1943 года фашистским карательным отрядом вместе с жителями.*

****Муэдзин – человек, призывающий мусульман на молитву.*

*****Аби (абика) – Бабушка по-татарски.*

Номинация
«Голос времени»

1 место

Беннер Анастасия

Омск

Кружится, стелется, выюжит метелица,
Крыши домов серебрит.
Кажется, встреча с весною успеется,
Правят сейчас декабри.

Но по-иному другие кумекают
И запускают «Ольху»,
Кто-то сегодня очнется калекою,
Чьи-то надежды – в труху.

Души на небо, и здания в крошево,
Сердце, сбиваясь, стучит,
Жизнь утекает потерей непрошеной,
Мир не приносят грачи.

Только живут эти люди нетленные,
Краешек счастья схватив,
Зная, что стали монетой разменной,
Вера – их императив.

Воля стальная донецкими розами
В сердце цветет и поет
Курским соловушкой да перед грозами.
В городе белом* прилет.

Девочка в серых ботинках нубуковых
Чертит следами кружок,
И отчего за углом где-то бухает,
Девочке той невдомек.

Смерть завихрит и уйдет, будто странница,
Жизнью наполнится сквер,
Но у следов на дорожке останется
Вечно тридцатый размер.

**подразумевается Белгород*

2 место

Шугаипова Екатерина

Приютово, Республика Башкортостан

Родная и близкая сердцу земля
В мире много красивых мест,
Но родных, как ни странно, мало.
Этой жизни несу я крест —
Память сердце мое связала...

Мне милее родимый край,
Где березы шумят листвою,
Солнце льется на нежный май
И земля пахнет свежей хвоей.

Мне б вернуться в родимый дом,
Где черемуха за оградой,
Где под стареньким фонарем
Пахнет вечер дождем и садом.

Утро красит огнем зарю,
И туман над рекой клубится...
Я душою еще горю!
Мне ночами все это снится.

Снятся россыпи золотой
Созревающей в срок пшеницы.
Облака висят бахромой
В синеве над летящей птицей.

Мне страна моя всех милей!
И Башкирия всех дороже!
Здесь дыхание седых полей
Нежно чувствую своей кожей.

3 место

Воронков Артем

Слобода, Воронежская область

Отечества солдат

*Посвящается фронтовому священнику,
протоиерею Александру Зинченко*

Идет гражданская война,
В селе Уланок храм безлюден,
Но есть икона в нем одна,
Чей светел лик, чей образ чуден.

Молились люди на нее,
Об исцелении просили.
Но налетело воронье –
Икону ту забрать решили.

Теперь уже иконе той
Не до чудес и исцелений.
Спасенье нужно ей самой,
Чтоб не сгореть в огне сражений.

«Спасем иконы – Русь спасем!» –
Так предки наши рассудили...
Не знаем кто, каким путем,
И где, и как ее хранили...

Промчались восемьдесят лет –
Сельчане храм восстановили.
Иконы отыскался след,
Ей вновь поклоны люди били,

А на земле покоя нет,
Пришла война страшнее прежних...
Но православной веры свет
Дает на лучшее надежду.

И чтобы веру затоптать,
Лишить надежды на спасенье,
Враг церкви стал уничтожать –
За это нет ему прощенья.

Обстрелян храм, и купола
В огне безжалостном сгорели,
Но чудотворная – цела,
Ее опять спасти успели.

Священник смелый фронтовой
Эвакуировал святыню,
В семье солдатской боевой
Известно Александра имя,

Солдатам батюшка знаком:
Молитвой души исцеляет,
На битву трудную с врагом
Своим примером вдохновляет,

Он крестит тех, кто не крещен,
Несет солдатам Божье слово,
Своею верою силен,
Он поддержать готов любого.

Не для медалей и наград
Он служит Родине и Богу,
Он – и священник, и солдат,
Он выбрал трудную дорогу,

Но тем почетнее она,
Но тем России он нужнее,
Непобедима та страна,
Где веры дух всего важнее!

Номинация «От сердца к сердцу»

1 место

Пименов Анатолий

Наро-Фоминск, МО

Из чего на Руси строях храмы?
Из чего на Руси строях храмы?
Ну-ка, скинемся по кирпичу!
И однажды крестом над туманом
Он ответит, поставив свечу.

Кирпича нет? Давайте из бревен,
Дух бревенчатый Господу гож,
Ведь народ испокон у нас скромн,
Что невежествен – грязная ложь.

Бревен нет? Принесите вагонку!
Будем доски таскать допоздна –
Те, кому принесли похоронку,
Те, кого затянула тюрьма...

Нет доски? Сделай доброе дело,
Только тихо, о том промолчи...
Лягут в общее храмово тело
Наши помыслы, как кирпичи.

Наша помощь и наша забота
Станут крепкими стенами там,
Укрывает резной позолотой
Дело доброе новенький храм.

2 место

Окулова Лада

Очёр, Пермский край

А мне б хотелось на деревню к бабушке,
На лето все уехать к доброй бабушке,
Чтоб утром – молоко парное с хлебушком,
Чтоб вечером – с вареньицем оладушки.
Чтоб ветер в занавесках пританцовывал
И на заре петух будил сонатами.
С ладони пить водицу родниковую
И любоваться тихими закатами.
Чтоб босиком по лугу многоцветному,
Чтоб руки мыть водой из умывальника,
Ромашки в поле собирать букетами
И «блинчики» пускать на речке гальками.
В густой малине заплутать нечаянно,
Кормить пшеницею цыплят и курочек,
На самокате мчаться вдаль отчаянно,
На крыше от лучей палящих жмуриться.
Сражаться с сорняками и крапивою
Взлетать с качелей в море небосводное...
Я б стала бы, наверное, счастливою,
Прожив такое лето беззаботное.

3 место

Липатов Елисей

Чехов, МО

Зеленый бархат
Зеленый бархат под ногой,
Простор, залитый синевою.
Колышет ветер ковыли,
Клоня колосья до земли.

Ромашки смотрят в небеса,
Блестит на клевере роса,
Жужжит пчелиный хоровод,
Во всем незримый жизни код.

Здесь пахнет медом и пылью,
Кипреем, мятой луговой,
Тут облака, как корабли,
Плывут задумчиво вдали.

Приляг, закрой на миг глаза,
Услышишь мира голоса,
Как сердце луга бьется в такт
С твоим... И это добрый знак.

Раздел 2

«Спасибо за память, потомки»

Бобровская (Ларионова-Бобровская) Ирина
Минск, Беларусь

Фронтовым медсестрам

*Посвящается
Софье Васильевне Змачинской**

По локоть в грязи увязая
Под лезвием пуль и снарядов,
Ползет медсестра фронтовая:
«Терпи, мой хороший, я рядом».

Ей от роду двадцать, чуть больше,
Но стойкости хватит на роту.
Не страшно ползти под осколки,
Когда ты спасаешь кого-то.

И Люба, а может быть, Соня,
Тростинка, как в поле цветочек,
Воды принесет и укроет
От смерти, от взрыва, от боли.

Не зная про страх и усталость,
В бою и диверсиях – рядом.
...Полфразы – и все оборвалось:
«Посмертно». Достояна награды.

Войною убита тростинка,
С бинтами разорвана сумка.
У станции самой могилка.
Там Соня. А может быть, Люба.

Я вас заклинаю, потомки:
Вы Память о них берегите!
О тех, кто полз под осколки
Спасал и выхаживал Жизни!

**Змачинская Софья Васильевна родилась в 1919 году в деревне Новый Гутков Слуцкого района Минской области. Во время войны была военфельдшером, работала зубным врачом в деревне Липень Осиповичского района, стала начальником санитарной службы партизанского отряда имени Ленина. Активно участвовала в диверсиях, подрывала железнодорожные мосты, пустила под откос эшелон противника. Список боевых операций в наградном листе трагично прерывается строкой: «При выполнении боевого задания на вражеских коммуникациях...». В 1944 году награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени посмертно.*

Когда на фронт уходит дочь

Когда на фронт уходят сыновья,
Вздыхают матери: защитники, солдаты,
Их долг Отечество, свободу защищать,
В руках держа покрепче автоматы.

Когда на фронт из дома рвется дочь,
Вдвойне тревожной матери на сердце.
«Куда же ты? Там всюду смерть и кровь!».
А дочь улыбкой ласковой ответит.

Улыбку эту мама у окна
Так часто через слезы вспоминала.
Погибла дочь. Никто не знает – как.
В листе наградном строчка оборвалась...

Отважная девчонка-медсестра,
Спасавшая бойцов на поле боя.
С войны ей не вернуться никогда
И к маме не прижаться головою.

Бесстрашная девчонка-подрывник,
Чьи пальцы устанавливали мины.
Ей к дому по дорожке не пройти
И в люльке не качать под вечер сына.

Медаль посмертно. Мама у окна
Заплачет тихо горькими слезами.
Ей не нужны слова и ордена,
Ей дочь нужна – здоровая, живая.

Улыбка дочери, единственный портрет,
Его хранят в осиротевшем доме.
«Куда же ты ушла? Там кровь и смерть!», –
Прошепчет мама и слезу уронит...

О бессмертии

*Средняя продолжительность жизни
санинструкторов на передовой
в 1941 году составляла 40 секунд*

Кто знает, сколько мне осталось:
Быть может час, а может – год.
А там, в бою, все так смешалось:
И смерть, и крик, и кровь, и боль.

И смерть не ждет, пока затихнет
Бесперебойный гул стрельбы.
Секунда – и она все ближе,
Вот-вот коснется рук твоих!

Но мы готовы с ней поспорить
За жизнь бойца, чей слышен хрип.
Уйди, костлявая, с дороги!
Не стой у жизни на пути!

Измазан кровью бинт и руки,
Ладони режет мать-земля.
Кипящий воздух, гарь и пули,
И фронтовая медсестра.

Она спасет его от смерти,
Хотя самой остался час.
Цветы. Могилка. Стонет ветер.
И слезы на глазах бойца.

За час спасенные однажды
Бойцы сражались за двоих.
За тех, кто их спасал отважно,
За тех, кто их потом лечил!

И вопреки жестокой смерти
Живет счастливой медсестра.
Она в улыбке, в самом сердце,
В глазах того, кого спасла.

Воронков Артем

с. Слобода, Воронежская область

Памяти детей блокадного Ленинграда

Как сложно передать всю боль,
Весь страх блокадных тех детей...
А мать шептала тихо: «Оля!
Ты выжить, доченька, сумей!»

И нету сил похоронить,
И нету сил кричать и плакать,
Но мама завещала жить
И дожидаться с фронта папу.

А смерть шептала в ухо:
«Ляг, закрой глаза и засыпай...
Ты помнишь, в школе красный флаг
Носили вы на Первомай?»

И с демонстрации отряд
Гурьбой веселой шел в кино?
Всех тех девчонок и ребят
К себе я забрала давно...»

Но смерть гнал прочь сирены вой,
Прожекторов слепящий свет,
И злилась смерть, и злилась ночь,
Что снова наступал рассвет

Еще один, и три, и пять,
И сто, и двести, и пятьсот...
Она устала дни считать...
Их было больше восьмисот...

Молиться на блокадный хлеб,
Все крошки ломтика того,
Враг так жесток был и свиреп,
Что отобрал бы и его.

Но было прорвано кольцо
В холодный тот январский день
Светилось радостью лицо,
И зацвела в душе сирень.

И, помня матери наказ,
Ждала, ждала отца домой
Без боя смерти не сдалась,
Не сдался и отец. Герой!

«Победа, Оля! Будем жить!
Налей вина, помянем мать...
О ней, о всех, кто не дожил,
Вовек нельзя нам забывать...»

И я прошу вас *не забыть*
Про тот блокадный Ленинград,
Про Олю, что смогла дожить,
Про папу, что пришел назад,

Про всех, кто жизнь отдал тогда,
Пусть не назвать все имена,
Про то, что миру нужен мир,
И миру *не нужна* война!

Фронтовые песни

Фронтовые песни, вы бойцов спасали,
Как письмо любимой, как привет родных,
И зимой холодной души согревали
И от смерти лютой сберегали их.

На берег Катюша гордо выходила, –
И в землянке ярче вспыхивал огонь,
Синенький платочек всю войну носила,
Вспоминала с милым танцы под гармонь.

Клавдию Шульженко угостить махоркой
С радостью готов был каждый наш солдат,
И спускался с горки парень в гимнастерке,
Со смуглянкой вместе свой искал отряд.

В порт одесский Костя темными ночами
Полные шаланды рыбы приводил,
Где-то вальс случайный пары танцевали,
И счастливый Мишка слезы не таил.

И хрипел уставший патефон окопный,
Он четыре года честно воевал,
Пусть простой, пусть старый, даже допотопный,
Он играл и плакал, плакал и играл.

Герасимов Сергей

Архангельск

22 июня

Еще не знали дети, что за гром
Ворвется в утро, распугавши стаи.
Еще цветы качались под окном,
И у депо готовили трамваи.

В тот час, когда ложилась на поля
Роса, и солнце только встало,
Взлетела к небу черная земля –
И радость вдруг с улыбкою пропала.

Не соловьи – свистели пули лишь,
Где яблони стояли в белом цвете,
Теперь одни воронки, шифер с крыш
И танки наяву, а не в газете.

Тот страшный день, то утро, жуткий час
Мы не забудем, в памяти отвага
Простых людей – девчонок и ребят,
Дошедших от Москвы и до Рейхстага.

Джикирба Хаджарат

Мгудзырхуа, Абхазия

В сумраке войны

*Посвящается старшему лейтенанту
157 осбр В. П. Инапха, погибшему в 1943 г.*

Мы с Вами шли на бой смертельный
В кипящем сумраке войны
Под танков гул, огонь прицельный
Степами плачущей страны.

Мы шли тогда вперед за миром
И за победою одной,
Но пали Вы под Армавиром
В объятия земли родной.

А мы все шли и шли по следу
За той единственной весной
И встретили за Вас победу
Над смертью, горем и войной.

На смерть героя

Джикирба Шаиб Кягусович

Герой бессмертный и печальный
Лежит угрюмо под холмом.
Платком укутавшись, о нем
Одна девица в миг прощальный
Рыдала громко при свечах,
Слез не стыдясь в своих очах,
Его оплакивая стоя,
С утратой брата и героя
Никак не в силах примириться
И не желая с ним проститься...
И до сих пор она страдает,
Навеки потеряв покой.
Сама земля о нем рыдает
Дождями бурными весной,
И залпом орудийным гром
Встречает, надвигаясь с моря.
Герой угас, как гаснут зори,
Но память все жива о нем,
Пусть же в могиле под горой
Хранит господь его покой!

Дудкина Марта
Пенза

День Победы

Любимый всеми праздник – День Победы
Придет с волной весеннего тепла...
Конечно, осознать войны все беды
Я в раннем детстве просто не могла.

Его ждала с особенным вниманьем,
Как Новый год ждут или Рождество,
За то, что всюду было ликование
И за столом семейным – торжество.

И в наш любимый праздник грусти светлой
Мы всей семьей приходим на парад.
И прадеда портрет в Полку Бессмертном
Нести любой из нас, конечно, рад.

Готовим мы открытки и букеты,
Желаем ветеранам долгих лет!
Спасибо тем, чьи подвиги воспеты...
Плывут портреты – каждый чей-то дед.

На крыльях искусства

История страны побед немало знает
И разрушений, что входили в русский дом.
Но каждый раз сквозь черный пепел возникает
Искусство, укрывающее всех крылом.

Так было в мае, в сорок пятом, в День Победы.
Иначе как великим чудом не назвать:
Мадонну Рафаэля прадеды и деды
Смогли в холодных подземельях отыскать.

Она была во влаге вся и в старой пыли,
Фашист забросил в шкаф ее. Какой цинизм!
Взглянув, солдаты в изумлении застыли:
Творение гения сильнее, чем фашизм.

И десять лет с великой верою в искусство,
Стремясь быстрее вернуть всем людям красоту,
Картину мастер восстанавливал искусно,
Чтоб лик прекрасный от людей отвел беду.

Нас бережет талант художника, поэта
И мудрость книг, и танец, что легко летит.
Все это – мир культуры. И победу Света
Над Тьмой большой художник снова возвестит.

Мы помним все уроки прошлых лет нелегких
И ценим каждый миг, что дарит красоту.
И верим, что на крыльях вдохновенья легких
Способен человек любую победить вражду.

Дудкина Милана
Пенза

«Артек»: 1941–1945

Сбылась мечта заветная у тысячи ребят –
В «Артек» они довольные, счастливые летят.
Их море ждет лазурное и золотой восход.
Июнь, цветут акации... Шел сорок первый год...

Ребята ждут открытия, всяк учит песню, стих.
«Артек» – это событие, старт каждого из них.
Не знали дети бедные: мечтам их вскоре – крах,
Растерянные, бледные, поникнут на глазах.

Отечество в опасности! Держись, мой друг, не плачь!
Война висит над лагерем – безжалостный палач.
Какие там акации, лазурная волна!
Их ждет эвакуация – дороженька длинна.

И вот вагоны тянутся – из Крыма на Алтай...
Шли дни и даже месяцы пути в Сибирский край.
В теплушках спали бедные и на сырой земле,
Фугасы караулили ночами в полумгле.

Узнали в ноябре они: в «Артек» ворвался враг –
И всяк бранил захватчиков, показывал кулак –
Все корпуса в пожарище и пострадал Суук-су.
Деревья, очень ценные, валил фашист в лесу.

Решили тут артековцы: долой весь прежний страх!
В госпиталях работали, на фермах, на полях,
Писали письма раненым. Расширились в плечах –
В далекой Белокурихе, ни дня не проскучав,

Сплотились крепко-накрепко. Учились – кто чему,
И танцевали весело, и верили сквозь тьму.
Красивую мелодию играй, трубач, играй!
Был детскими оркестрами согрет суровый край.

Зимой сорок пятого был смены срок закрыт,
Но не забыты годы те, «Артек» не позабыт!
Мы вместе, неделимые, нам в дружбе повезло:
Как талисман, храним в себе сердечное тепло.

Герою-прадеду Владимиру Глухову

Уж восемьдесят лет, как кончилась война,
Но в семьях каждого живут воспоминанья
О тех, чья жизнь была Победе отдана...
Передаем друг другу устно те преданья.

У нас в семье, где память предков свято чтут
И пожелтевшим фото, письмам знают ценность,
Известно: прадед выбрал свой на фронт маршрут –
Он железнодорожником встал в строй военный.

Был с первых дней войны без отдыха и сна –
Эвакуировал людей, потом – заводы,
Переправлял их в тыл с утра и дотемна
Под вражеским огнем, все претерпев невзгоды.

На службе жил – порой не спал, не ел он сам,
Чтоб быстро груз доставить на передовую,
Снаряды, провиант и технику бойцам,
В боях стоявшим насмерть за страну родную.

В теплушках раненых он в тыл перевозил –
Обосновался целый госпиталь в вагоне,
Бывало, агитпоездом руководил,
Солдатам дух он поднимал на поле боя.

Был ранен тяжело, став примером для других, –
Сражался до конца, на шаг не отступая,
Победу встретил, обнял всех своих родных,
Большая наша гордость – все его медали.

Владимир Глухов – воин, славный прадед наш,
Твой храбрый поезд, знаем, мчит тебя в бессмертье!
Твоя работа – просто высший пилотаж.
Твой голос сквозь века звучит: «В Победу верьте!»

Уж восемьдесят лет, как кончилась война...
Желаем всем героям мира и здоровья!
Восходят солнцем ветеранов имена.
И мы гордимся: с прадедом одной мы крови.

Исаенко Мария

Могилев, Беларусь

Защитникам Могилева

Зажигались огни в небесах над Днепром
В тот июньский безветренный вечер.
Люди жили, не смея помыслить о том,
Что война на рассвете ворвется в их дом –
Все разрушит, сомнет, искалечит.

Просыпались с улыбкой, с надеждой на мир,
Полдень замер от воя сирены,
Проникающей в окна домов и квартир.
Приговором звучал Левитана эфир
И дурные сулил перемены.

Воцарилась пугающая тишина
И тревога в ней тучей сгущалась.
«Люди! Как это так? Почему же... война?»
Воедино сплотилась большая страна
И живым организмом казалась.

Две недели мелькнули, как тягостный сон.
Имена испестрили страницы.
Уходили солдаты Отчизны на фронт,
Уходили вперед, где алел горизонт,
И сверкали лихие зарницы.

Подбирались все ближе пожаров огни,
Диким зверем ревели моторы.
Могилев стал преградой на долгие дни,
Повсеместно упорно кипели бои –
Не сдавали защитники город.

Двадцать три долгих дня, долгих ночи в крови
Продолжалась глухая осада.
Враг намеченной цели в боях не достиг:
Был нарушен сынами Отчизны блицкриг,
Могилев стал отцом Сталинграда.

Подвиг ваш не забыт, не затерян в веках.
Не утихнет звон скорби народной.
Как с горючею смесью в слабевших руках
Встали насмерть, забыв про усталость и страх,
За Отчизну, за жизнь, за свободу!

Кайгородова Анжелика
Кемерово

Памяти Вольской М.И.

Лето сорок второго, Смоленщина.
Там почти не осталось мужчин.
Но была одна храбрая женщина –
Силы духа она исполнил.

И была она так милосердна,
И мечтала учить детвору.
Пусть жилось им и трудно, и бедно,
Но она воплощала мечту:

Получила диплом педагога –
Вдруг судьбу сотрясает война...
Но ее не пронзает тревога,
Ведь Отчизне она так нужна!

Слух ползет, что детей уничтожат
Иль отправят к фашистам детей.
Эта мысль так жителей гложет:
Как спасти дочерей, сыновей?

Партизаны решили, что дети
Будут жить. И все-все спасены.
И проход через топи наметят,
Собирают всем скопом еды.

Только кто на такое решится
И отважится вывести всех?
Наша Вольская – смелая птица,
Может, ей улыбнется успех?

Ей, ходившей не раз во разведку,
В двадцать два поручают детей.
И не время тут плакать в жилетку,
Согласилась. Как можно скорей

С узелками, слезами и страхом
Сквозь леса те ночами идут.
Первый день их кончается крахом –
Раскрывает противник маршрут...

Измощенные, слабые дети
Наконец добрались до села.
Тетя Мотя была для них светом,
И к спасению твердо вела.

Нет еды, а в колодцах – отравы.
Жажда. Голод. А сверху – обстрел.
Но фашистская злая орава
Не сломала того, кто был смел.

Продолжают маршрут к эшелону,
Десять дней ее зорки глаза.
Ее стойкость была эталоном,
Ее дух сотворил чудеса,

Ведь в приемке заветной напишут,
Что три тысячи двести – живых!
Но она громкой славы не ищет,
Ведь награда – та жизнь молодых.

Да, была одна храбрая женщина –
Силы духа она исполнил!
Ее помнит навеки Смоленщина,
Ее подвиг среди этих долин...

Камалиев Ринат
Реутов, Московская область

Генерал Карбышев

Три с лишним года в адовых застенках
Не соблазнился вражеским елеем,
Не становился собственной тенью, –
Поганых палачей душой сильнее.

Под царственным орлом державе верен
И под серпом любил свою Отчизну,
В нее, как в Волю Божью, свято веря,
Переносил удары, зубы стиснув.

Герой с кипучей кровью дворянина
И офицерской непреклонной статью,
Он Родину свою не мог отринуть,
С достоинством и совестью расстаться.

Ему, немолодому генералу,
Поблажек вовсе не давали фрицы,
Но это их стремления сгорали,
А Истина не может испариться.

Не мог пойти на сговор против чести,
И на морозе жизнь его сгубили,
Но даже смерть он сделал манифестом,
Окоченевшим памятником силе

Борьбы за мир, борьбы за святость долга,
Чтоб изверги не потирали руки,
Чтоб не был ни один герой оболган,
Чтоб даже смерть не стала бы разлукой.

Железнодорожная отвага
Транспортный вопрос решал судьбу
Каждой битвы с вражеской ордою!
Те бойцы, что немцев расшибут,
На составах с красною звездою,

Стиснув зубы, ехали на фронт,
За добро бороться с кулаками!
На эвакуацию, в ремонт,
С провиантом, топливом, станками

Сквозь обстрелы поезда рвались,
Каждый день Победу приближая!
Если посмотреть из-за кулис
За боев свирепых рубежами,

То составы поездов видны,
Железнодорожные колонны,
Что опорой стали для страны,
Проявляя удаль непреклонно!

Каганович, Микоян, Хрулев
И, конечно же, товарищ Сталин
У дорог железных за рулем
Мощью управленческой блистали!

В смертных битвах каждый эшелон
Нам формировал дорогу жизни,
Чтоб над миром снова рассвело,
Чтоб возликовала вся Отчизна!

Чтобы невозможное успеть,
Чтоб сердца Советов бились пылко,
Этот путь прошли мы на ж/д
Перегонах, поездах, развилках!

Кириллова Елена
Вологда

Мои предки, России великой сыны,
Воевали. Живыми вернулись с войны
Александр, Алексей, Николай и Иван.
Лейтенант, пехотинец, моряк, партизан.

Моим предкам, земли Вологодской сынам,
Лебединые крылья спалила война.
Анатолий, Василий погибли в бою,
До конца защищая свободу свою.

Мои предки, российской глубинки сыны,
Никогда не вернутся с великой войны.
Амфилофий под ржевской деревней убит.
В ленинградской земле Николай наш лежит.

Не могу не гордиться своею родней.
Каждый шел на войну, как былинный герой.
Миллионы таких же советских солдат
Победили фашизм и вернулись назад.

Мы всегда будем помнить героев своих,
Сохраним на века нашу память о них,
Для того, чтоб мы жили, погибли они.
Пусть народная память их подвиг хранит!

Быль о трех Александрах

*Быль деревни Федурино
Вологодского района
Вологодской области*

А деревня мужчин провожала на бой...
И, прощаясь с ней, шли прямо в осень
Сано Пушкин – храбрец, Сано Щавин – герой
И как лунь седой Сано Котосин.

Для Котосина – третья война: «Не тужи,
Сдюжим, братцы, Победа за нами!
В финской я воевал, на Гражданской служил,
И фашизм разотрем сапогами!»

Шли вперед и вперед, защищая страну,
Наши Щавин, Котосин и Пушкин,
Среди тысяч солдат, что ушли на войну,
Мужики из одной деревушки.

Воевали все трое, не помня себя.
Неустанно ковали Победу,
Шли вперед и вперед, душу сталью крепя,
Наши русские парни и деды...

Возвращались в родную деревню, домой,
И глядели в бездонную просинь...
Сано Пушкин – без ног, Сано Щавин – хромой,
Легкораненный – Сано Котосин...

Колюбин Максим

Тверь

К 9 Мая

Отзвучали раскаты жестоких гранат,
Просвистели последние пули...
За ушедших на небо до срока солдат
По-особому ветры задули,

В бесконечных боях отсырела земля,
Порастая кровавой травой,
И в скорбящей печали стоят тополя,
Шевеля потускневшей листвою.

До спирания в горле несносно горька
И навек безвозвратна потеря.
Осознание горя стучит у виска,
Но сильнее становится вера

О незыблемом мире, где вечный покой
Не разрушит внезапно ракета,
Если помнить, какую нелегкой ценой
Нам досталась святая победа.

Долг исполнить благородный...

Сердце в ритме метронома
Маршем бьет прощальным:
Сын родной ушел из дома
На рассвете раннем.

С треском радиовещанья
О войне поется.
Сын ушел, лишь на прощанье
Посмотрев на солнце:

«Ты свети, воспой балладу
Нашим братьям славным –
Скоро я примкну к солдатам
Воевать на равных».

Плачет мать, прощанья рана
Сжало сердце болью:
«Мой родной, ты встал так рано
Из-за парты школьной.

Не смогла никак сдержать я
Пыл горячий сына –
По оружию пусть братья
Сберегут отныне...»

Молодых ребят несметно –
У дверей столпились,
По поддельным документам
Воевать просились

В жар несносный, в непогоду
Со стремленьем честным:
Долг исполнить благородный
Под крылом небесным.

Конкина-Белоусова Елена
Саранск, Республика Мордовия

Тебе шестнадцать! Юная девчонка.
Тебе б сестренкам косы заплетать.
Смеяться беззастенчиво и звонко,
Рассветы летом ясные встречать.
А ты себе два года приписала –
И двадцать третьего бегом в военкомат.
Окопы рыла, раненых таскала,
Потом сама попала в медсанбат.
В бреду горячем ты кричала: «Мама!»
И закрывала голову рукой.
Окончено лечение, ты упрямо
Рвалась на фронт, чтоб завтра снова в бой.
И вот он бой – вокруг стрельба и крики,
А ты бинтуешь, тащишь в лазарет.
И застревают солнечные блики
В седых кудряшках в восемнадцать лет...

Телогрейка и шапка-ушанка,
Сапоги, сорок пятый размер...
А по полю фашистские танки
С ненасытностью злобных химер.

А тебе восемнадцать! Чуть более.
Где-то там за спиной – мамка с братом,
Мысль о них разрывается болью,
Ты – под танки с одною гранатой.

В голове: «Я смогу, я успею,
Повезет мне – и танк подорвется...»
На снегу капли крови алеют,
Танк горит! Сердце больше не бьется.

Телогрейка и шапка-ушанка,
Сорок пятый размер у сапог...
Жить останутся брат твой и мамка,
Потому что успел ты и смог.

Медсестрички

Девчонки с тонкими косичками,
Веснушки, носики курносые.
Солдаты звали их сестричками,
Они себя считали взрослыми.
Еще недавно выпускницами
Они встречали утро раннее...
Теперь с замерзшими ресницами
Они по снегу тянут раненых.
И молча плачут от бессилия,
И шепчут: «Потерпите, дяденька...»

Девчонки юные, красивые –
Танюши, Оли, Кати, Наденьки.
В войну шагнули медсестричками...
В свинцовой этой страшной замети
Девчонки с тонкими косичками
Так и остались в нашей памяти.

Крох Анна
Мозырь, Беларусь

Два Петра

Понятно, жизнь – она добра,
Хотя бывают ямы...
Когда-то жили два Петра –
Отцы отца и мамы.
Служили дому своему,
Взрастив шестнадцать деток.
Десять не выжили в доме,
А шесть осталось веток...
Когда настал тяжелый час
Для нашего народа
И мирный день когда погас
В лихое время года,
Ушли на фронт оба Петра
Буквально первым строем.
С тех пор их шестеро ребят
Не видели героев.
Из ада детям не дошло
Ни одного письмишка.
Так время повзрослеть пришло
Дочуркам и сынишкам.
О том, как ждали пап своих,
Тогда не говорили.
Но, не дождавшись тех двоих,
Лишь внуки боль открыли:
Где Книга Памяти легла
Печальными листами,
О двух Петрах не помогла
Все знать. Как ни листали.
В концлагере один погиб,
О тезке ж – нету вести.
Но до сих пор войны изгиб
Оплакиваем вместе.
Шумят над Припятью ветра.
В такой же панораме
Когда-то жили два Петра –
Отцы отца и мамы...

Лесов Вячеслав
Модиин, Израиль

Высота

Здесь глина рыжа. Из глубоких ран
Дождь вымывает гильзы у корней.
Над косогором стелется туман,
И время здесь становится плотней.

В сырых пластах лежит простой блокнот,
Свинцовый грифель срезан на пути.
Никто строку из тлена не вернет,
Ее до точки некому вести.

И сосны, выпрямляясь в полный рост,
Вбирают сталь в звенящие стволы.
Осколок мины, как тяжелый гвоздь,
Хранит в себе безмолвие земли.

Липатов Елисей
Чехов, Московская область

Москва. Декабрь 1941

Не сдавшиеся и не покоренные,
Уставшие шагами измерять
Земли Родной дороги запыленные.
Здесь молох смерти повернули вспять.

Все братские народы воедино
Тут встали неприступною стеной –
Незыблема была и нерушима,
Не дрогнула пред хищною ордой.

Румын и финнов, немцев и австрийцев
Земля России на покой взяла.
Не разделяя их на слуг и принцев,
Над ними смерть раскинула крыла.

И в этот раз все было, как и присно,
Зима стелила снежную постель,
Суровую языческую тризну
По ним справляла русская метель.

Здесь царь-мороз трещал по воле Божьей,
Сжимая кожу вражеских сапог –
Она срасталась с человеческой кожей,
Был каждый шаг, как слово в некролог.

Ни жалости, ни милости, ни скорби
К тем, кто по трупам за наживой шел.
Они несли обратно в утлой торбе
Бессилия потрепанный камзол.

«Тайфун» разбился о людские души,
У всех и вся была святая цель.
На славу отработали «Катюши»,
Не подвела потертая шинель.

Покровом Богородица прикрыла
Священную обитель – Третий Рим,
Небесным светом души озарила,
Его частичку мы внутри храним.

Минуют сотни лет, не покорится,
Не дрогнет неприступная стена.
И пусть над златоглавою столицей
Звенеть не прекратят колокола.

Москва. Декабрь 1941. **Исповедь солдата вермахта**

Веселые, холеные и сытые,
Мы шли под звук литавров на восток.
За нами разоренные, разбитые
Селенья и со свастикой флагшток.

Москва на горизонте замаячила,
В биноклях заблестели купола.
Но тут фортуна отвернулась начисто
И нагло, без зазренья, предала.

Природа злым морозом ошетичилась,
Швыряет иглы мстительный норд-ост.
Закат кровавый обозначил линию –
Дорогу на кладбищенский погост.

Снегами все тропинки заметелены,
Березы, как отмытые бинты.
А из-за них орудия нацелены,
Что оборвут тревоги и мечты.

Не написать замерзшими чернилами
Всей правды о превратностях судьбы.
Мы славы ждали, но страна постылая
Всем нам здесь приготовила гробы.

Москва. Декабрь 1941. Генерал Мороз

Я – Лютый Холод, Северный Мороз,
Нутро скребущий острыми когтями.
Видавший блеск штыков и капли слез,
Что застывали льдом под сапогами.

Я шел полями, кутая в метель
Людей, одетых в серые мундиры,
Им выдувая мерзлую постель,
Из бранных тел высасывая силы.

В моих объятьях замерзала сталь
И глохли танки, превращаясь в глыбы.
Тех, кто внутри, ни капельки не жаль,
Они обречены, а жить могли бы.

Но были те, кто не боялся льда,
Они не пригибались перед бурей,
Для них мороз и вьюга – ерунда.
Я был пленен их сильною натурой.

Пылали лица, снег глаза слепил,
Но в них горел огонь неугасимый.
Я, пораженный, ярость укротил
И стал для них союзником незримым.

Засыпал все дороги и мосты,
Чтоб враг застрял в сугробах как в капкане.
Я утопил безумные мечты
В своем бескрайнем снежном океане.

Москва жила за спинами солдат,
А я кружил, смыкая круг за кругом.
Я – тот, кто сто и больше лет назад
Для русских был помощником и другом.

Мартыненко Юрий

Лутугино, Луганская народная республика

Я солдатом был смелым,
Но убили в бою.
Много песен не спел я
И уже не спою.
Не прочту я газеты,
Не увижу кино.
Мне никто не ответит –
Мое время прошло.
Не сорву даже сливу
В моем милом саду.
Не останусь с любимой,
Не скажу, что люблю.
Не дождусь и Победы
В сорок пятом году.
Может, внуков в честь деда,
В честь меня назовут.
Я лишь буду в рассказах,
В фотографиях жить.
Пусть и в книгах не скажут
Среди новых страниц.
Только небо и дети
Пусть цветут каждый миг.
Значит, жил я на свете,
Значит, я не погиб...

Миргородская Евгения

Мозырь, Беларусь

Мамочки

Множество писем войной и судьбой припорошено,
Сколько же их не нашло адресатов своих.
Много солдатских сапог сыновьями изношено,
Сколько же мам не обнимут сыночков родных.

Мамочки, мамочки, что же вы, милые, плачете?
Видите – в небе над вами мы мирно живем,
Нас на земле вы уже никогда не отыщете,
Мы обрели в облаках окончательный дом.

Мамочки, мамочки, что же вы, милые, плачете?
Волосы ваши так быстро испачкались в мел.
Мамочки, мамочки, милые, вы же все знаете,
Что на войне ни один умирать не хотел.

Незабудки

Расцвели на лугу незабудки,
Словно память о прошлой войне.
И они говорят: «Не забудь-ка,
Почему ты живешь на Земле,

Почему над тобой голубые,
Будто эти цветы, небеса,
И ромашки растут полевые,
И блестит на листочках роса».

Ты постой на лугу – и услышишь
Звуки прошлого и голоса.
Ты закроешь глаза и увидишь,
Что охвачены дымом леса.

Ты увидишь разрывы снарядов,
Гарь до неба, захваченных в плен,
В черной луже сестру медсанбата –
Молодую девчонку совсем.

Опустился закат красно-рыжий
На сожженные в уголь леса.
И пульсирует кровь: «Мне бы выжить,
Не отправиться в те небеса!»

В них свинцовые тучи скопились,
Все туман застилает густой
Вперемешку с кровавою пылью.
И сказал чей-то голос: «Постой!

Подожди, оглянись на мгновенье,
Жизнь дана для того, чтобы жить!
Пронеси через все поколения
Обещанье войну не забыть!»

Ты откроешь глаза и увидишь:
Солнце светит на луг заливной,
Ты посмотришь вокруг и услышишь:
Мирный ветер играет с листвою.

Только маленькие незабудки
На солдатской могиле цветут
И они говорят: «Не забудь-ка,
Твои деды покоятся тут!»

Никольникова Екатерина

Ливны, Орловская область

Мальчишка из соседнего двора

В одном из старых домиков Москвы
Жила красивая веселая девчонка.
Глаза были наивны и чисты,
Букет ромашек в худеньких ручонках...

Мальчишка из соседнего двора
Пред ней робел. Но все же на свиданье,
Когда шумела красками весна,
Решил позвать... и сделать ей признание...

Катился вечер в огненный закат,
Игрался ветер с маем шаловливо.
И мальчик девочке отважился сказать:
«Люблю тебя! Ах, как же ты красива!»

И вишня белая в том маленьком дворе
Была свидетелем, когда украдкой
Поцеловал ее, от счастья опьянев,
И подарил простую шоколадку...

Вдруг грянул гром – войны нависли тучи.
Мальчишка из соседнего двора
Ушел на фронт. Коварный этот случай
Их разлучил с девчонкой навсегда.

Она ждала его, от всех таила слезы,
А он погиб, сражаясь под Орлом.
Теперь поля, где белые березы, –
Мальчишке вечный и спокойный дом...

Прошли года, ту прежнюю девчонку
Уж бабушкой все кличут во дворе.
Но в сердце, словно ржавая иголка,
Таится ненависть к безжалостной войне.

Все та же вишня, двор московский скромный,
Но осени кружится листопад...
И на губах – вкус шоколада горький,
А был он сладким много лет назад...

Пешкова Маргарита

Барнаул, Алтайский край

Узница

Мне страшно, мир вокруг погас,
И нас везут как скот куда-то.
Лишь мамин голос – божий глас –
Тихонько шепчет мне: «Не надо.
Не надо, милая, не плачь,
Прижмись покрепче, мама рядом.
Давай в слова с тобой играть.
Представь, что ты играешь с братом».
А я никак не разберу,
Где мой любимый братик Вова.
Его не вижу я сквозь тьму
И громко всхлипываю снова.
Вокруг в упругой тесноте,
Сквозь запахи мочи и пота,
В изнеможенной духоте
Лишь слышен недовольный ропот.
Бессильный гнев и жуткий страх
Повис в накаленном вагоне.
И ясно точно – миру крах.
Мы – скот, на массовом прогоне.

Оцепенев, завис вагон,
Ворвался яркий лучик солнца.
И громкий зычный баритон
Немецким возгласом плюется:
«Шнелля, шнелля! Бегом, скорей!
Шнелля, вонючий мерзкий швайн!
Направо женщин и детей,
Мужчин налево. Бистро, кляйн!»
Мне страшно, я боюсь идти,
За ручку крепко держит мама.
Там было лучше, взаперти...
Так жутко, сердце, будто мрамор.
Мы долго ждем, уж век стоим,
Желудок сводит в нервном шоке.
Там громко стонут впереди.
«За что же немцы так жестоки?»

Schneller (нем.) – быстрее

Schwein (нем.) – свинья

Klein (нем.) – маленький(ая). В данном контексте обращение к ребенку

5 цифр – пометка заключенных узников в концентрационных лагерях составляла набор из 5 цифр (прим.автора)

Я помню, мама рядом шла,
Что было после – память стерло,
Лишь смутно снится иногда,
Как кровь стекала густо с горла...
Я как в тумане, в страшном сне,
Я ничего не понимаю.
Прожгли мне кожу на руке.
Дрожу... Наверно, умираю...
Затем обрывки жутких сцен
Всплывают в памяти невольно.
Лежу на ледяном столе,
И мне невыносимо больно.
Мужчина с дьявольским лицом,
Клыки видны под белой маской.
Он называл себя врачом.
Он врал, он точно зло из сказки.

Не знаю, сколько лет прошло,
Не помню, сколько мне от рóду.
Не помню мамино лицо
И как вернулась на свободу.
Пять цифр возвращают в мглу,
Затягивая в бездну душу.
Я силы жить в себе найду
И боль не выпущу наружу.
Я улыбнусь, пойду вперед,
С надеждой в светлое «сегодня»,
Но часть меня уж не живет.
Я – узница и я невольна!

Письмо без адреса

В сырой землянке с низким потолком
Под свет полуразбитой керосинки
Сидел солдат, домой писал письмо,
А над землянкой падали снежинки.

И в том письме для матери его
От сердца и души немного строчек.
О том, как быть солдатом нелегко,
Как Родине служить он честно хочет.

«О, матушка! Вам пишет сын Иван!
(Вот мирной жизни выдалась минутка).
В последний месяц я почти не спал,
Не раз в бою мне становилось жутко.

Мы в октябре сражались под Москвой,
Фашисты наступали очень быстро.
Тогда хороший немцу дали бой,
Но мой товарищ пал под меткий выстрел.

Здесь днем и ночью царствует война,
Сражаясь, забываем мы покушать.
Отважно отбиваем города
И некогда нам новости послушать.

Когда у нас спокойно – мы поем,
Один солдат играет на баяне.
Мы верим – до Победы доживем,
И благодать на Родине настанет.

О, матушка, ты только не грусти.
Война закончится, я скоро буду дома!
За то, что не с тобой сейчас, прости!
Ну как вы там? Как младший братик Рома?

Что ж, до свиданья, маменька моя,
Уже письмо заканчивать пора мне.
И знай, родная, я люблю тебя!
Ах да, меня называли храбрым парнем...»

И, дописав письмо, Иван слегка всплакнул,
По дому и по матери скучая.
Он до утра тревожным сном заснул,
Письмо в руке отчаянно сжимая.

Раздался клич, что в бой идти пора,
И старшина поднял отряд в атаку.
Бесстрашнее Ивана нет бойца,
Увы, уже не видел он всю схватку.

Его сразило выстрелом врага,
На землю он упал еще в сознание,
Успел подумать: «Жизнь так коротка,
А я не видел маму на прощанье!»

Письмо без адреса лежало на траве,
Его товарищи Ивана подобрали.
И посвятили его тем, кто на войне
Своих родных и близких потеряли.

Пименов Анатолий

Наро-Фоминск, Московская область

Дорога к Победе

Не всем черту переступить
И к черту в логово ворваться,
Не всем на знамя любоваться,
Когда случится победить...

Тянулись дни, трещали сосны,
Остались братья на полях,
Где кровью черная земля
Уже не различает весны.

Зачем нам время торопить,
Когда оно нас не торопит?
В болотной гати танки топят,
Не позволяя победить.

В одну из множества ночей
На небе загорелись звезды,
Вослед живым, пока не поздно,
Смотрели тысячи очей...

Они ведь там, однополчане,
Они ведь с нами до сих пор,
Их Слава и врага позор,
Как белый ангел за плечами.

Пересвет

Темно и тихо, тихо и темно...
Такое здесь бывало, но давно,
И по прошествии тяжелых лет
Явился из тумана Пересвет –

Святой защитник Матушки Руси,
Он тихо в землю обронил «прости».
Встал на дыбы монаха белый конь...
...и танки свой продолжили огонь!

За Родину! За мир! Да за покой!
На башнях их начертано «Донской».
Все так же, как когда-то, и в капкан
Святая Русь загонит басурман.

И он опять всю рать не подведет,
С коня лихого в траву не падет...
Со старой раной рядом новый шрам,
Но верный конь умчит его в туман.

Так было над любой большой рекой,
Враги, а против них – «Дмитрий Донской».
Они давно в музеях и в сердцах –
Хранили память предков об отцах.

И, кажется, недрогнувшей рукой
Напишет Русь опять «Дмитрий Донской»,
Вспоров копьем туманы прошлых лет,
Вновь явится с молитвой Пересвет.

Прадеду

Стучат колеса, мчится эшелон,
Вдруг обвалился на пути вагон,
Гудели бомбы, не успеть на фронт,
И кровью наливался горизонт.

И кровь поила землю вдоволь,
Гарь заполняла собой поле...
Теперь уж не повоевать,
А на одной ноге хромать.

А был ли Бог, а есть ли вовсе?
Сын на войне, в душе вопросы,
Два брата сгинули в огне...
Он видел это... в страшном сне.

Но сон ли, если на гранитах
Их имена не позабыты...
Они ведь там... на небесах...
А он под куполом, в лесах,

Лежит, расписывает храм,
Душа болит от старых ран.
Скрипят леса, болит культа,
Он пишет Божие Дитя...

С одной ногой давно стал тих,
Один лишь орден на троих.
Где братья? Верит, что у Бога.
...ему же здесь работы много.

*Мой прадед, Михаил Иванович Пименов,
потерял ногу по дороге на фронт, а после
войны участвовал в росписи деревенского
храма.*

Платонов Андрей

Волжск, Республика Марий Эл

Звон души

Невесомой волной, мук не ангельским шепотом,
Звук томился в плену материнской груди.
Над землею стеной, прорывавшимся ропотом,
Вознеслась ширь души, на избитом пути.

Средь Отчизны живой, звоном душ окровавленных,
Утекал мир в чертоги рассвета небес.

Пред прозренья тропой, подвиг жизней
прославленных,
Воскресал на картине бессмертья чудес.

Предстоя перед ней, с нестигаемой волею.
Безысходной волной не плененной смертей.
Изваянием дней, сбывшись жертвенной долею,
Облекалась она в сны Отчизны детей.
Застывали слова, пригвожденные временем.
На распятыи был предан израненный мир.
Лишь секунда жива, в землю брошенным семенем.
Лептой стал и нетленья последний статир.

Лик невинный облекши слезами небесными,
Омывалась весна пробужденья росой.
Вечность павшим прорекши, веками безвестными,
Возносила она над землею босой,

Прижимая к груди лишь младенца уснувшего.
Материнской мольбой пробивался росток.
Ты сердца не студи, ропот ветра заблудшего.
Не губи обнаженной судьбы лепесток.

Застывала слеза, став хрустальною вечностью.
В широко распахнувшихся мира глазах.
Дрожью била гроза, жизни став скоротечностью.
Где лишь пуля одна – на забвенья весах.

И сплетались в клубок, на одно лишь мгновение,
Нити взглядов двоих, переживших закат.
В каждом лике был Бог, и небес отражение.
Но пролил кровь чужую немецкий солдат...

Шелестела листва, возродившись от тления.
Ветер вдаль уносил образ павших пред ним.
Средь веков естества будут живы мгновения.
Не предаст их народ, ставший небу родным.

Не забыты глаза всех шагнувших в безвременье.
Обнимает дитя вновь молитвою мать.
Пусть бушует гроза, человеческим бременем.
В каждой пяди земли будет мир воскресать!

Реквием

В шелке небес, убаюкавшем вешними слезы хрустальные лунных наяд,
Ветер сквозь лес нес путями нездешними душу земли разрывающий снаряд.
Нежные очи взирали бессмертия на поругания хищный оскал.
Мир воскресал на картине столетия, бурные волны созвездий плескал.

Рваные клочья забвенья растрепаны, черные космы плывут облаков.
Былью забытые тропы истоптаны. Звуком вдали застывавших шагов.
Лунные сны поднебесья увенчаны тлеющим в сердце мгновеньем тиши.
Жизни им павшими были завещаны, новым рассветом бессмертной души.

Тает в ветвях робкий шепот молитвенный. Славит природа бессмертья творца.
Шрамы глубокие, слезы и рытвины сердце пронзали печатью венца.
Долго томилась душа пред лучиною, звездным воскресшей сияньем очей.
Вечность застыла безмолвной картиною, жизнью храня не иссякший ручей.

Вдруг посреди задремавшего таинства, сенью укрывшего землю от ран,
Вспомнил весь мир о явлении равенства, павшей судьбе освящая курган.
Стон зазвучал не мелодией памяти, сияясь прорваться мольбой из груди.
Словно на неба невидимой паперти встал не забытых сынов впереди.

Пламенем жгла сердце явь предрассветная. Кровь запеклась на застывшей руке.
Силой подняться любовь беззаветная робкой слезою стекла по щеке.
Дрожь лихорадочно била, как выстрелы. Пули навывлет сквозь землю прошли.
Веки касались забытыми мыслями, новым прозреньем над миром взошли.

Очи стремились к судьбы отражениям, сияясь былое в душе воскресить.
Стали картины рассветом вершениям, снова желавшим нам мир возвестить.
Жажда забила в бреду недосказанном. Вихрем врываясь терзаний былых.
Ветер шептал зазвучавшими фразами, словно пророк завещаний живых.

Стала земля не забытою матерью, мерно качающей сна колыбель.
Вставшей над миром не сломленной статию, дланью укрывшей родных сыновей.
Вспомни, родная, бескрайнее полюшко. Сотканный солнцем злаченный наряд.
Жизнь положить за тебя – наша долюшка. Пусть для детей в небе звезды горят!

Пламя рассвета, зардевшись смущением, славил павших в неравном бою.
Слезы живых обратив всепрощением, встали герои в бессмертном строю.
Жизнь угасала свечой догорающей, теплясь молитвой средь плывших теней.
Верил солдат, что звездою мерцающей светит любимая в облаке дней.

Солнце пред суженой внешней природою новым убранством покровов златых
Мир воскрешало звучащею одою новых мелодий капелей живых.
Видел солдат небеса необъятные, нитями судеб расшитый наряд.
В них же томились мечты предзакатные. Звездные тени далеких плеяд.

Видел любимую в таинстве сбывшемся. В шепоте нежном коснувшихся чар.
Сон оживал в каждом звуке родившемся. Вечен блаженства невидимый дар!
Близилась небом любимой объятия. Раны души исцеляющий свет.
Мир на коленях стоял у распятия. Павший ему улыбался в ответ...

Сарычева Анастасия

Рязань

Воспоминания ветерана

Посвящается ветерану Великой Отечественной войны, разведчику, Почетному гражданину города Рязани Иванову Дмитрию Ивановичу, участнику Парадов Победы в Москве в 1945 и 2025 гг.

Мне до войны жилось совсем не плохо,
Но я любил минуты тишины,
Семью, придя, не обнимал с порога,
Однако это было до войны...

Война пришла, когда совсем не ждали,
Когда душа была еще светла.
Глаза людей наполнились слезами:
Мужчины все ушли громить врага.

Меня призвали рано, в сорок первом,
Разведчиком прошел я всю войну.
Хоть Богом мне даны стальные нервы,
Но рассказать вам много не смогу.

Я помню: за минуту перед боем
Мы вспоминали близких и друзей.
Наш командир с решительным настроем
Поднял нас в бой: «Вперед, за матерей!

За жен своих и за страну родную!
Еще немного, братцы, поднажми!»
В атаку мы пошли под речь такую
И видели: назад бегут враги!

Я помню, как узнали о победе,
Кричали все восторженно: «Ура!»
Мы радовались, плакали, как дети,
Я это не забуду никогда!

И помню, как домой вернулся с фронта,
Как засветились радостно глаза.
Своих родных обнял тогда с порога
И понял: без семьи прожить нельзя!

Сивая Александра

Минск, Беларусь

Жареная луна

Идет война, ужасны дни,
Взрываются снаряды.
Стреляют танки, корабли,
И смерть проходит рядом.
Танкист летел, враги неслись
В разгаре самом боя.
И танк внезапно задымил –
Огонь пошел стеною.
В машине плавится металл,
Танкист лишь тихо стонет.
А бой все дальше грохотал,
Забрав солдат с собою.
Бежала наша медсестра,
Из танка стон слышав.
Чужая жизнь в ее руках –
И тянет танка крышку.
А чтобы в чувство привести,
Танкисту обещала:
«Коль выживешь – смогу найти
Лишь только для тебя я
Кусочек жареной луны».
Танкист ее не понял,
Но очень захотелось жить
Под «жареной луною».
Спустя года ее найдет,
Родную медсестричку,
Запомнив тот ужасный бой
И теплую улыбку.
Они обнимутся в слезах,
Войну, Победу вспомнят.
И будет «жареной» луна
Светить на небосклоне.

Толкачев Владислав

Новосибирск

Надеюсь, меня поймешь.
Мама, прости.
Надеюсь, меня поймешь.
Время не лечит.
Не властны над памятью годы!
Помолись за меня
И к ужину точно не жди.
Я сейчас
Где окопы, курганы и горы.
Я буду в болотах по кочкам идти,
А где-то терять сапоги в жадной глине.
Я буду искать,
Где другие найти не смогли,
Где земля моя в ранах от мин,

Где еще до сих пор слышно матери стоны.
Я нашел, что другие, увы, не смогли.
Я к груди прижимал
Ржавые их медали...
Я пройду, где другие еще не прошли,
Где другие еще не искали!
Ты прости, для меня это очень важно.
Вот кисет Иванова нашли,
Вот сержанта какого-то фляжка.
Тут из боя выйти они не смогли.
На душе от этого знания
Очень тяжело.
Вот спустились в окоп...
Раздвинулись молча и дружно.
Торчит в середине
В уставшей земле снряд.
На минуту сердце остановилось.
И не слышишь, что старшие говорят.
Мам, прости.
Но к ужину точно не жди.
Время не лечит.
Не властны над памятью годы,
Мне еще по осколкам идти и идти.
Через дождь и туман,
Зной и стужу –
В любую погоду!
Я хочу, чтоб гордилась.
Где я прошел,
Больше в земле не прячутся мины,
И не допущу,
Чтоб за моей спиной
Безымянной осталась героя могила.
На сегодня осталось часа три в пути.
Я хочу, чтобы помнили дети,
Чтобы чтители героев своих
И кровавые годы эти.
Время не лечит.
Не властны над памятью годы!
Это простить я не смогу, увы.
Помолись за меня
Я вернусь, обещаю.
К ужину только сегодня не жди.
...
Не утихает тревога в груди,
Каждый вздох через раз.
Зачем ты пришел на землю мою?
И кто ты теперь сейчас?
Сапогом откроешь дверь,
А я хлеб дам и супа налью...
Но никогда, поверь,
Родину не подарю.
Мы будем к лицу лицом.
Сердце пропустит удар.
Я улыбнусь тебе, враг,
Но
Родину не отдам!

Трошина Мария
Белгород

Август. Блокада

Свекла на сером горячем асфальте.
Бурая свекла и алая кровь...
Мертвая женщина в порванном платье.
Август. Блокада. Пятнадцать часов.

Кто эта жертва налета фашиста?
Мамочка, дочка, невеста, сестра?
Имени нет – только должность статиста
В мире, где смерть – это факт, не игра.

Невский проспект задохнулся от дыма,
Раненый, скорбно умолкнул трамвай.
Имя, скажите, пожалуйста, имя
Той, не донесшей к столу урожай.

Свекла в бумажном пакете прикрыта
Женщины телом. Не ждите домой
Ту, чье лицо теплой кровью умыто
После атаки врага в выходной.

Выпив тоску и печаль потрясений,
Мучится день и рисует мираж:
Женщину, свеклу, обед без волнений –
Мнимого счастья фальшивый коллаж.

А похоронной команды работа –
Девочек где-то шестнадцати лет –
В сроки исполнена: после налета
Трупов на улицах города нет.

Только остался лежать одиноко
Свеклы пучок на пустой мостовой.
Игры злодея-насмешника рока:
Свекла к обеду вдруг стала бедой.

Кадр черно-белый в военном альбоме:
Женщина. Темные раны висков.
Только я вижу на будничном фоне
Бурую свеклу и алую кровь.

Тюкин Антон
Вологда

Ленинград

В час, когда все ветра в ледяные объятия
Заключают кварталы, в колонн императорских строй
Протекает прохлада сквозь улиц моленья – проклятия,
Обнажая единственный город, закрывший второй

В девятьсот героических дней. В час, когда окликают
Альбатросы и чайки слепые речные огни
Фонарей, когда муторно тень наплывает,
Вдоль проспектов в шинелях, в бушлатах шагают они.

Ленинград – это имя на нашей страны горизонте –
Верный пункт направления. И все поезда,
И все письма ребят, что погибли когда-то на фронте,
Тянут тонкие мертвые руки и едут сюда.

Город бледных костей, страшных хлеба и зрелищ...
Под оркестр Шостаковича ищут сожженный дом
Тот солдат и матрос. Под сирены и вой погорельцев
Белой ночью грядет все, что будет потом.

Пехота

Памяти деда Николая Прокопьевича

1.
«Надо помнить»? Было лет немного,
Точно спирта. Вправо, влево – щель.
Глина мокрая. Да близкая дорога
Через ад – в железную метель.

Дым в глаза: слепило и щипало,
После ухнуло на том конце земли,
Пронеслось над нами и упало,
Застонало грохотом вдали.

Мы из чрева вылезли на бруствер.
Поднимались, начали бежать,
Скрючившись вперед – туда, где пусто.
Только щель, огонь и «к богу в мать».

Рядом падают, рукой хватая воздух.
Это поле – жизнь, раз смерть вдали?
Гул-огонь косит легко и просто,
Только справа танки подошли...

2.
– «Это наши», – говорят ребята.
Старшина орет: «Вперед, вставай,
Мать твою!» Вот и пошли солдаты
Выручать «из лап» и этот край,

В глину падая, ломаясь, куда не видя,
Знай, бежать, стрелять сквозь «ма – а» и «л – я»,
Чтоб прорваться в небеса, обидев
Ту, что их рожала, как земля.

3.
Криком надрывалось, тянулось
Это «ма – а» над мертвыми... Кто жив,
Натыкались, спотыкаясь, тонули,
Подвывая на земле мотив.

Справа, слева кто-то покотился
Вниз. Вон тот схватился за глаза.
Сбил с шагу, был и оступился –
Вот и все... Но нет пути назад!

В небе желтизна. Желтеет глина.
Снег в крови. Прорвались, гуляй!
Бей штыком, работник вшей и дыма!
Немчуре по полной навалей!..

В книжках и газетках не читали
Про такое? Там – всегда «ура»
Да «за Родину ведет товарищ Сталин»...
Нам – плевать! Дожить бы до утра.

Диверсант

Белорусским партизанам

Я дернул за кольцо и приземлился
В подпольных сердце, в каждое сражение,
Где враг, стреляя в наших, оступился
И рухнул вниз, как мост в момент сожженья.

Я научил устраивать засады,
Бесшумно резать часовых – не больно...
Куплеты пулемета были рады
Да партизаны песнями довольны

Возмездия! Пусть ночь багряной станет,
Пожарами отмеченная, кровью,
Да платят синеватыми дымками
Дни перестрелок тех, кто шел с любовью

За хлеб под небом – утром... Да, я лягу,
В траву уткнувшись, на сиреневом рассвете,
Когда патруль фальшивую бумагу
Просверлит фонарями... Был в ответе

За все на свете!.. После закопают
Да спросят: «Кто такой? Вообще откуда?»
Никто об этой смерти не узнает
За озера развернутое блюдо

Ночных купаний, чистые дороги
Без стрекота чужих мотоциклистов...

Как имя, кто я? Что сказать? В итоге
Оно – трава на поле, в небе птицы,

Букет ромашек, что подарен той девчонке...
Меня забудут среди грохота и дыма
Летающих под откос... Ее ручонки
Нажмут на кнопку – так необходимо!

Ее глаза прицелятся и – баста –
Разодрано мгновение, как клетка
Грудная, свалится приплюснутая каска
С белесой головы в лучах рассвета...

Лежат на дне разорванные фермы,
Скучают камни – черные пингвины
Средь белого тумана над «наверное»
И «умирать за жизнь – необходимо».

Усманова Ксения
Новосибирск

Мертва тишина, мир от боли кричит!
Война как агония жизни!
Один из десятков и сотен солдат,
Что долг отдают свой отчизне,
Парнишка, что лучшие годы свои
На фронте в окопе проводит.
Гулять он не бегал с девчонками, но
С ним смерть на свидание ходит.
Ей в дар ожерелье из пуль и букет
Из трупов, и с ленточкой алой.
Как след от помады ее на земле
Горит отпечаток кровавый.

А сверху не смолкнет чудовищный вой,
Как хищная птица летает
Врага самолет над его головой
И с неба огнем поливает.
Удушливый запах кончины чужой,
От воней той некуда деться.
При виде горы искалеченных тел
Болезненно екает сердце.

Тут взрыв раздается, и кажется вновь,
Что кончится время героя.
Везде только ад, крики боли и кровь,
И смерть не подарит покоя.
Но боль не ушла, передышки не дав,
Взгляд в сторону свежего тела:
Ведь бомба, кусочки его раскидав,
Парнишку едва не задела!

Лежит голова в двух шагах от него,
Да пара ошметков ужасных.
Лишь тень осознания – и ничего

В глазах поразительно ясных.
То был его брат, на год младше, и вот
Домой он уже не вернется.
А вражеский ас, тот немецкий пилот,
Лишь год погода разобьется...

Слеза одинокая вниз по щеке,
Упав, в седине растворилась.
Привиделась вновь ему память о дне,
Когда то несчастье случилось.
И много с тех пор уж воды утекло
И крови, что в землю впиталась.
В живых с той поры из отряда его
Уже никого не осталось.

И в небе не воет, погибель неся,
Давно уж врага истребитель.
И пули, и бомбы все прочь унеся,
Сберег его ангел-хранитель!
Живая жена с ним в постели лежит,
И внуки за стенкой играют.
И ради такой вот судьбы для страны
Мальчишки в бою погибают!

Федорова Марина
Кемерово

Уходят дни, года, десятки лет.
Но кадры кинохроники с экрана
Вдруг в прошлое невидимый билет
Протягивают ветерану.

Он вновь летит в гремящих поездах,
легко листая дней былых страницы.
До дрожи все знакомо в тех местах,
и бой все длится.

А за окном победная весна,
под солнцем все живое отогрелось.
И снова ночь – и снова не до сна.
Оттаявшее сердце разболелось.

Цвирко Алина
Витебск, Беларусь

Плач над лесом

Капли счета не знают. Мы в этом похожи –
Нас ведь тоже никто не считал.
Нас десятки, нас сотни, нас тысячи, может,
Похороненных кто где упал.

У нас нет ни имен, ни портретов, ни званий,
Наши жизни и смерть перевиты в одну.
Видишь вросший в окоп медальон с образами?
Он один нам на всех, как костер в старину.

Вместо жен нам земля распахнула объятия,
И омыл и оплакал нас дождь.
Мы теперь с ними ближе, чем сестры и братья...
Что ж ты смотришь задумчиво? Молишься?
Ждешь?

Не молись: нас с лихвою уже отмолили,
И не жди: мы не спросим когда...
Ты не стой в немом страхе на братской могиле,
Помяни лучше братьев-солдат...

Шамардина Юлия
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Приснился однажды мне сорок второй...

Приснился однажды мне сорок второй,
Когда Сталинград был охвачен войной,
На город разгромленный страшно смотреть:
По улицам серым шла гордая смерть.

Ее забавляли кровавые лица,
От взрыва гранаты она веселится,
Со скверной улыбкой себе забирала
Детей, что вцепились в объятия мамы,

Матерых солдат и тех, кто моложе,
Смерть с каждым разом суровой и строже:
С огнем развлекалась она в деревнях,
Потом побывала в концлагерях.

Оптом брала изможденные души,
Оставляя от них лишь кровавые лужи,
Пепел и дым, что в легких осел,
И память о тех, кто отважен и смел.

Мне снились фашистские пытки, окопы,
Страданием и кровью залитые тропы.
И было до ужаса больно смотреть,
Как по улицам серым шла гордая смерть...

Я к ней подбежала: «Остановись!
Что хочешь бери – но только не жизнь!»

Мне злобно в лицо рассмеялась она:
«Не перестану. Ведь это война».

Шпиякина Дарья
Новосибирск

У монумента

В моих руках – гвоздики цвета крови,
Дань памяти о скорбном самом дне.
А там, вдали, по жизненной основе
Чуть слышен шаг в звенящей тишине.

Он шел, а там, за ним, как за стеною –
Родные, дети, внуки, малыши.
И солнце над седою сединою
Сверкало ярко, прямо из души.

Шагнула ближе: «Здравствуйте», – несмело.
«Простите, можно вас остановить?
Сегодня день начала... Ваше дело...
Нам помогает Родину любить»

Он обернулся. Девяносто восемь.
Морщины – словно карты всей войны.
«Я этот день сквозь восемьдесят весен
Несу к вам, дети мирной тишины...

Кладу цветы... Я выжил им на счастье,
Чтоб никогда не знали вы сиротства.
Пусть стороной обходят все ненастья,
Мое великое советское наследство».

«Позвольте мне, – шепнула я чуть слышно, –
Свои гвоздики положить вот тут,
Поближе к вашим...». Дедушка неслышно
Кивнул: «Клади. Они теперь живут

Не просто цветом – памятью высокой,
Дань героизму и седым годам.
Пусть светят им до выси синеокой
У сердца вечно юного костра».

Я ухожу по парковой аллее,
Храня тепло его большой руки.
Я пронести сквозь суету годов сумею
Его слова, что были так чисты.

О мире том, что выстрадан и вечен,
О тех друзьях, что спят в сырой земле...
И тихий день теперь очеловечен
Дыханьем жизни в мирной суете.

Июнь... Двадцать второе... В парке...
Прозрачна тень и зноен белый свет.
У монумента, пламенный и яркий,
Лежит на плитах свежий мой букет.

Щитов Иван

Санкт-Петербург

Москвич

Не смейся над провинциалом,
Москвич с надменностью мирской!
Сибирь не только за Уралом...
Она костями под Москвой.

И если снова вдруг оглохнет
Столичный сумрак от огня,
Она придет... Она не дрогнет...
И снова защитит тебя.

Камень

Пусть говорят, что камень мертв;
Окаменелость – суть сохрана...
Но камень потому и тверд,
Что сохранял всех дольше раны.

Он – Ленинградская стена,
Что помнит все – с рождения, с детства:
Когда... какие времена
Плевали в каменное сердце.

И пусть он холоден и груб,
Холодное молчанье ложно.
В нем миллион остывших губ
Безмолвно говорит о прошлом.

Чтоб для грядущего хранить
Свободы негасимый пламень,
Он будет жить и говорить,
Немой растрескавшийся камень.

Не ждать... не плакать... не грустить...
Земная твердая порода –
Лишь камень может уместить
Всю боль великого народа.

У Ижорского тарана

У Ижорского тарана
Я бываю утром рано,
В час, когда по каскам ржавым
Солнца выстрелят лучи,
И в раскидистые ели
Бьют янтарною шрапнелью.
И зенитки спящей жало
Осмотрительно торчит.

У Ижорского тарана
Уж не встретить ветерана
Тех кровавых и жестоких,
Проходивших здесь боев...
Безымянного солдата
Обороны Ленинграда,
Что отважным был и стойким
На переднем из краев.

У Ижорского тарана
Дремлет хвойная охрана
И венки, как часовые,
Настороженно стоят
Вечной памятью и данью,
Всем живым – напоминаем:
«А была бы ты, Россия?
Был бы город Ленинград?»

В Шуваловском дворце

Зевает мальчик нерадиво,
Бродя в Шуваловском дворце.
Ни Айвазовского картины,
Ни чудо-курочка в яйце

От Фаберже – не впечатляют...
Сервизы, вазы и ковши,
Державной роскошью сияют,
Младой не трогая души.

Шкатулки, рюмки, табакерки,
Тарелки, ложки и ножи,
По детским выверенным меркам
Лишь безделушки для больших.

Строга и так неумолима,
С ним мама – важность и очки.
Малец глазеем терпеливо,
Сжимая руки в кулачки.

Ему так хочется «на волю»,
Покинуть каменный сундук,
Сбежать от ига монополий
На детский правильный досуг...

Блажен от века приходящий,
Еще не зная ни о чем.
Лишь он в стремленьях настоящих
К вселенской сути приобщен.

Дворец... сокровища... награды...
И надпись – всем им вопреки:
«Здесь брали жители в блокаду
Зимую воду из реки».

Пешкабз

*Я пил из черепа отца
За правду на земле...
Юрий Кузнецов*

Не нужны машинки мальчугану –
Что для хулигана самосвал?
Дядька, привези мне из Афгана
Азиатский кованый кинжал.

Погремушки не имеют веса,
Вековая истина в свинце.
Братец, привези из Гудермеса
К СВД оптический прицел.

Что нам Дед Морозы или феи?
Ребятня исчезнувшей страны
Верит лишь в народные трофеи
В памяти клокочущей войны.

Мы не будем памятью играть –
Из стволов выстраивать музей.
Те трофеи внукам пригодятся
И стране оскалившейся всей.

Мальчики в России слишком рано
Узнают всю правду о войне...
Дядька, привези мне из Баграма
Совесть, не горящую в огне.

Якимович Мария
Мозырь, Беларусь

Как же громко звучит набат
На мемориале Хатыни.
Приходи, белорус, мой брат,
Поклониться великой святыне.
Пусть идет все своим чередом
И сменяется год за годом,
Здесь сожженных детишек был дом,
Ты отсюда ведь тоже родом.
В твоих венах победная кровь
Тех, кто здесь защищал границы.
Метрономом стучатся вновь
Позабывших сожженных лица.
Пусть проходят года и века.
Пусть искрятся любви сапфиры.
Мы живем им благодаря
В этом чудном, прекрасном мире!

Я в сердце своем подвиг чести храню,
Как медаль, что в отца гимнастерке,
Победного мая я память ценю,
Как солдат бережет хлеба корку.
На снимке мой прадед в шинели стоит,
Он воин, Беларуси защитник!
И в глазах его верой искра горит
Что Победа не будет забыта!
Запомнят и Альпы и Вена тот вальс,
Пусть играют на скрипке потомки,
Великою песнею славя час,
Когда звала их Родина громко
Взять штыки и ружье, и булат,
И махорку, и смесь взрывную,
Чтобы стал защищать солдат
Свою Родину-Мать большую.
О Победе пишу я в словах
Твердым, русским, исконным духом!
Чтобы памяти свет не угас!
Нам, живущим за них, это нужно!

Уходили ребята в рассвет,
Рюкзаки на плечах и ружья.
Очень ярок был солнца свет,
Строй солдатский был ровен и дружен.
Уходили ребята тайком,
Крадучись, словно вор в подворотне,
Чтобы свой защитить отчий дом
От той черной фашистской сотни.
Уходили ребята в плащах,
И в шинелях, и в гимнастерках,
С сединой в молодых волосах,
И в ботинках, войною истертых.
Уходили ребята в строю,
Чтобы жить смогли после потомки
На земле родной, как в раю,
Жить счастливо и прошлое помнить!

Раздел 3

«Я слышу твой голос, Родина»

Баженов Александр
Екатеринбург

Время кровью истекло,
Подвело под монастырь
Тех, кому не повезло,
Выйти в правды чистой ширь.
Время сняло с языка
То, что я сказать хотел,
Взгляд бросая в облака,
В блеклый свет небесных тел.
Эта музыка – ничья
Электрической дугой
Развернуло в три ручья
Время, ставшее рекой –
Той, что вылилась сквозь нас
В лабиринты серых плит,
Фото в профиль и анфас,
Все, что памятью болит...

На ветках – деловитые грачи,
На сказочных похожи персонажей:
Сполоснуты во мраке их плащи,
Пропитаны лоснящеюся сажей.

Урал, водохранилище – места,
Невспаханные зубьями прогресса...
Опять иду слоняться в никуда
Опушками оттаявшего леса.

Я остаюсь, Россия, не один
С поросшими черемухой садами:
Друзья, что не дожили до седин,
Поблескивают птичьими глазами.

«В кладке строф кирпичных арматуры
Мало для большого слова “стих”», –
Важно из-под фески абажура
Молвил Гамаюн, а после стих.
Что я строю? Склепы или храмы
Сказочным героям птичьих снов?
И смыкаю в рамы анаграммы,
И вбиваю знаки между слов.
Рву зари ранетку на просторе,
Буквы цвета клюквы шью внахлест –
Так же Айвазовский пенил море,
Рерих умещал холмы на холст.
Не молчу. Но в каждом слоге – пытка,
Нитка ли для временной петли,
Тяжесть водружаемого слитка,
Плотность крови, неба и земли.

Баранова Елизавета
Тула

Военное детство

I

*В память о событиях Великой Отечественной войны, происходивших на территориях от Ростова-на-Дону до Крыма, включая Донбасс и земли в районе реки Днепр.
1941–1942 годы – захват и оккупация фашистскими оккупационными территориями.*

Глубокое детство.
Год – сорок второй.
В округе Донецка
ответственный бой
за Крымские земли,
за подступ к Днепру.
И травы звенели
на черном ветру.

Как молния,
вспышка –
и рушился мир.
Что мог я – мальчишка? –
он мне говорил.
И глаз два овала
сухая рука
скрывала –
срывала,
как два василька.

И падали звезды
за гулкую степь.
Спасти Приазовье
нам надо суметь.
Как воды речные
не двинутся вспять,
так нас научили
до смерти стоять.

Стреляла и палка.
Кто дрался, тот рос.
Что мог я? – он плакал.
Он плакал без слез.
И волны вселились
и злости к врагу
вскипали у синих
морщинистых губ.

Военное детство –
печать на всю жизнь.
Родился немецким
тогдашний фашизм.
Омытая кровью,
чтоб мирно жилось,
в степях Приднепровья
цветет живокость.

...Что мог я?..
Мне часто
приходит на ум:
что мы можем?
Я – что
конкретно могу?..

...Силен и отважен
воинственный Днепр –
им вымерен каждый
вокруг километр.

II
*В память о событиях 2014 и последующих годов,
происходящих на тех же территориях.*

...На танке немецком
былого налет...
В районе Донецка
бомбежка идет –
ни черных,
ни красных,
ни правды,
ни лжи,
но взрослые в касках –
вооружены.

Как скажут, в чем фишка?
В чем истина,
брат?
Трехлетний мальчишка
берет автомат,
и очередь –
градом –
с мальчишечьих рук,
да нет, камнепадом
просыплется вдруг.

И бешенство в сердце,
и пламя в глазах.
Кубань,
Новосельцы,
Донецк и Луганск –
все сказка за сказкой, –
куда не пойдешь
стоит Златовлаской
невинная рожь,

и реки,
и небо –
на всех – и одно.
Так что за потребность
на самое дно
себе опускаться,
тянуть за собой
столетия,
пространства,
страну за страной?

И леска провисла,
и – удочка спит.
И запах аниса,
и лодочный скрип
так неуловимы,
так тонки теперь...
И пуст у плотины
мосток для детей.

...Созревший,
янтарный –
в ладошке сожми –
вбирающий тайны
степной тишины,
жарой прокаленный,
как стали кусок,
росой окропленный
ржаной колосок...

Я русский!

При взводе курка,
при его каждом спуске
не дрогнет рука,
потому что
я – русский.

Я русский!
И сердце
отчаянно бьется
от чувства
не спеси,
а – благородства.

Зенитно-ракетные
залпы «Тунгуски»
на вызов конкретно
ответят: «Я русский»!

Я русский, как «Миг»,
что фашисты не сбили,
как Черского пик
и как климат Сибири!

Каленой земли
разлетаются сгустки, –
от страха замри,
потому что я русский –

разгневанный,
сильный!
И вспышками «Молний» –
их пламенем синим –
пусть враг будет сломлен!

...Я русская.

Женщина.
Мать.
И супруга.
Как страшно скрежещет
железом округа!

И, да, каждый сын
в мире мира достоин,
земной красоты,
а не статуса – воин!

Но как не хватает
всей нечисти – чести!
Того, кто верхами
живет – всех пресечь бы!

И войны подвергнуть бы
пере-загрузке!
И сын мой здесь в первую
очередь – русский!

Гвоздик у Вечного Огня
сегодня много.
Врагов как будто отгонять
гвоздики могут.

Бордовым цветом окроплен
гранитный подступ
к плите, где в перечне имен
все еще отсвет

объятых пламенем земель
в низовьях Дона –
у Белых гор.

Заледенел
огонь сегодня! –

Застолбенел,
как монолит, –
как сбой программы –
уже не жжет,
а холодит
живые раны.
Прорвет барьеры рубежа,
бушуя, пламя.
Огонь до капли
плотно сжат
с тех пор – на память.

Не может быть воспламенен
ад пепелища,
но может вечным быть огонь,
как лед, застывший!

И – шип к шипу –
колючий куст
напомнит снова,
как шел к Голгофе
Иисус
в венке терновом, –

из Богородицыных слез
растут гвоздики, –
гвоздика красная – есть гвоздь,
в тот крест забитый.

...Как много боли разлилось
во тьме событий!..
...Ночь пепел от
сгоревших звезд
в огонь осыплет.

Курганом славы бой за Дон
увековечен,
и млечный путь над ним
огнем
всегда подсвечен.

Я слышала фразу такую:
– Зачем победили тогда?
В одну переплавили пулю
практически все города.

И резко разгневанный ропот
вдруг мной завладеет.
И злость.
– Мы были б сегодня Европой, –
как эхо, опять раздалась.

– Ну, ну...– Отвечаю, –
Конечно...
Тогда бы мы были целей.
Кричит поствоенная вечность
скелетами концлагерей.

Кому-то сейчас не по нраву,
что в прошлом
не растворена
стена Аушвиц-Биркенау –
расстрельная эта стена.

И так называемый хостел
на сотни «парковочных» мест
с горючей звездой Холокоста
под черной полоской небес.

...Придешь к Православному Храму,
за то, что мы живы, проси
покая погибшим в Дахау
и выжившим
в Мисслере
сил.

И вот еще:
Люблин – Майдáнек,
созвучный с Майданом,
теперь –
еще и,
помимо,
вдобавок
в inferно открытая дверь.

И как нежеланная правда,
как несочиненный сюжет,
мерцают огни Бухенвальда
в день памяти лагерных жертв.

– Вот, вот...– На расизм не работай...

...Но крутится дьявольский крест
над слитой в расходник
Европой
символикой –
черной – СС.

Мы были б сегодня...

...Европой...

...И шли бы сейчас в никуда...

Из пули той – встанут, и все тут! –
отлитые вновь города!

Беннер Анастасия

Омск

Посвящается разведчику Денису Импульсу

Чеченским утром вдаль, за перевалы,
летел испуганный войною клин.
Ты был порывистым, горячим парнем,
что Импульсом в отряде нарекли.

Минула срочка, ты котом ученым
махнул работать да на «Северсталь»,
и довелось хлебнуть судьбы перченой,
но ты слезой подсаливать не стал.

Карьеру бросил, все с нуля – так надо,
мелькала в переездах череда
электростанций мирного распада,
когда вокруг горели города.

Кровило от распада братской дружбы.
Ну как ты мог остаться в стороне?
Сначала раненых возил из Суджи,
в итоге оказался на войне.

Терял братишек, названных родными,
плативших кровью по чужим счетам.
Придя с гражданки на войну калымить,
костлявая пошла по мужикам.

Вина шарфом колючим держит крепко,
но ты молитвой эти узы рвешь.
Летучей мышью опытной в разведке
по сумеркам выводил молодежь.

Не может Импульс быть без направленья –
без северского, если быть точней,
тебе плевать на сбитые колени
и календарь недоспанных ночей.

Идешь в огонь, хотя давно не двадцать,
Комроты не ошибся с позывным.
Прошу, Господь, дай Импульсу остаться
порывистым, горячим. И живым.

Когда ушел он добровольцем,
ему так мало было лет,
его благословило солнце,
молитва залила оконце,
пообещав хранить от бед.
И он ушел, такой красивый,
туда, где рвется жизнь, как нить,
осознавать невыносимо,
что смерть сама его просила,
пока что-то с ней повременить.
Тот бой – его второй по счету –
три дня стрельбой тревожил тишь,
держалась русская пехота,
там много полегло из роты,
там пять ребят осталось лишь.
БК насущный, но не вечный,
боец истратил до конца,
он полз и плакал в этот вечер
с раненьем ног в жестокой сече,
как мог, но не терял лица.
Его нацисты окружали,
готовя плена западню,
войдут в эфирные скрижали
слова, что комом горло сжали:
«Скажите, что люблю родню».
И духа Вове Адидасу
хватило, чтоб сорвать чеку,
закончить вражьи выкрутасы,
взамен друзей уйти ко Спасу,
как и пристало мужику.
Он проводил врагов до ада,
а сам ушел в небесный край.
...Подписана под залпы «Града»
пяти бойцам его отряда
отсрочка от призыва в Рай.

Бобылев Дмитрий
Санкт-Петербург

Память

Шлаковой пылью город с зимы покрыт:
Сыпали в гололед, зачерпнув с отвала.
У тополей струятся из-под коры
Сок и весна, слышатся крики галок.

Можно дожидаться рейсовую газель,
Долго смотреть кино в затемненных стеклах.
Лучше пешком сквозь город, как сквозь музей,
Чтобы промокла обувь, душа промокла.

... Там на газоне лежали у яблонь двух,
Глядя в большое небо с оттенком мяты,
И не слышали шарканья двух старух:
«Спины застудите, глупые вы зверята».

Лиственницы спилили, растут кусты.
Там на пригорок влезли (цвели ромашки),
Город открылся ярким до слепоты,
От зеленей не мог отстирать рубашку.

Глупости лезут в память, на всех углах
Кучами снега – груды воспоминаний.
Снег-то растает вскоре – и все дела.
Память растет повыше казенных зданий.

В ржавой хрущевке с бабкой она жила.
Имя меняла, возраст и телефоны,
Стала поблекшей карточкой со стола,
Снегом за ворот, лентой магнитофонной...

Рабица. Божья коровка скользнула вниз
Красным на зелены, разорвав рубаху.
– Петр Семеныч, опять вы ушли одни!
Там журналист, хочет про Волноваху.

Пальцами по забору прощальный жест:
Дальше нельзя, и ветер пробрал, в халате.
Много на свете было счастливых мест,
Место нашлось у двери в большой палате.

Сыплет на город редкий последний снег.
Больше всего уходят весной, в начале.
Меньше и меньше времени в каждом дне.
Выше – громады памяти и печали.

Вот Владимир Витальич с дровами стоит,
Рыжий пес что-то роет в снегу.
Долгий взгляд и небритые щеки твои
Я на фото увидеть могу.

А еще, если карточку переверну,
Прочитаю простые стихи,
Как тоскливо и скучно тебе одному
Вековать по местечкам глухим.

Ты на фото не знаешь, что дом твой сгорит,
Что от водки истлеет душа.
Что когда артиллерия заговорит,
То не скажет тебе ни шиша,

Что узнаю о жизни неброской твоей,
Когда ты целиком – на листке,
Со стихами и ветром в чудной голове
Согреваешь полешки в руке.

Боровский Илья
Санкт-Петербург

Красная площадь

Над Василием Блаженным
Пляшет бледная луна.
Я уснул. Во сне смиренном
Площадь древняя видна.

Карусель времен закружит,
Снова чую за спиной.
За плечо прихватит стужа,
Приобнимет летний зной.

В дождь июльский, снег январский
Исполины-мужики
Смотрят – Минин да Пожарский –
На знаменные полки.

Гляну вдаль – над колокольной
В честь великого царя
Разыгрался ветер вольный,
Словно сабля бунтаря.

Русский бунт – костер опасный,
Разгоревшись у кремля,
Отпылал в стрелецкой казни
До последнего угля.

По ночам скорбят иконы,
Стонут лики в образах,
Помнят взор Наполеона
И пожар в его глазах.

Мавзолей откроет Ленин,
До утра искать пойдет –
Год семнадцатый потерял
В глубине багровых вод.

Год трагический отмерил
Для народа век иной.
Гимн победы, гром потери
Над великою страной.

Всей истории тропинки
Исходив в календаре,
У церквушки на Ильинке
Выйду к праздничной заре.

Пусть пройдут дожди косые,
Смоют боль минувших лет,
И зажжет звезду России
Красной площади рассвет.

Легенды Фонтанного дома

Октябрь. Оранжевый ветер
Гуляет по сонной Фонтанке.
Играют в кораблики дети,
Линкоры – консервные банки.

Снуют петербургские чайки
По старым задумчивым паркам,
Где свежие сплетни и байки
С лихвой раздавались кухаркам.

Здесь плавно маршруты наметив,
С отрядом вельможных знакомых
Неспешно ходил Шереметев,
Невою рассветной влекомый.

Сам Петр Великий в хоромы
Когда-то зааживал к графу –
И в зале парадном колонны
Дрожали от хлестких метафор.

Легенды великого дома
Не сгинули в хляби болотной,
И даже при жестких наркомках
Жил образ семьи благородной.

Писатель, рабочий, военный
Трудился в роскошных покоех.
Здесь жизнью пропитаны стены,
Тут память в старинных обоях.

Гудит и сегодня усадьба,
Не слышно ни скрипа, ни вздоха.

Вот театр! Вот оркестр! Вот свадьба!
Плывет пред глазами эпоха...

Балы в золотых канделябрах,
Интриги с дворцовым размахом,
Дуэли безумных и храбрых,
Острог с приговором и ...плаха.

Легенды Фонтанного дома
Парят вдоль осенней Фонтанки,
Страницами чудо-альбома,
Как платье прекрасной дворянки.

Святая Русь

Свята Русь жива и будет
Жить над вечною Землей.
Коли есть такие люди,
Что закроют боль собой.
Былины были и
В слове жили и
Заложили с ним
В сердце суть.
Словом жили и
Шли дружинами,
Над равнинами
Сложен путь.
Делом праведным
Дух усилили –
И с дороги впредь
Не свернуть.

С песней ратною
Воины статные
Шли за правдою
И судьбой.
С верой ясною,
Не напрасною,
Кровью красною
Лился бой.
Русь державная,
Сила славная!
Эх, сражается,
Хорошо!
Но Сила высится
Не отрядами,
Не наградами,
А душой.
Свята Русь жива и будет
Жить над вечною Землей.
Коли есть такие люди,
Что закроют боль собой.

Бугрова Майя
Новосибирск

Офицерская жена

Офицерская жена не выбирает,
Где трудиться ей, где жить.
Вслед за мужем она едет, улетает
В те места, где будет он служить.

А места меняются нередко,
Могут раз, а могут пять за пятилетку.
Только станешь к гарнизону привыкать –
Вызов в округ. Значит, снова вещи собирать.

Но роптать на неудобства? Нет, не будет,
Что приходится на подселенье жить,
Что никак контейнер не прибудет.
Ни за что она не станет ныть.

Главное, чтоб рядом с мужем быть,
Без семейного уюта нелегко служить,
Выручает ящик деревянный –
Мебель он, и тумбочка, и стол,

А пришел приказ о переводе –
Он опять по назначению пошел.
Небогатый скарб в него сложить
И ехать дальше – Родине служить.

И всю жизнь она помнить будет
Данный опытной майоршею совет:
«Никогда тебя муж не разлюбит,
Если ждет его горяченький обед».

Из наряда он придет усталый,
Трудное дежурство, ночь не спал.
И за срок женитьбы, еще малый,
Он таким родным и близким стал...

Чтоб успешной была у мужа служба,
Чтобы дома он спокойным был,
Главное в семье – любовь и дружба,
Верный, крепкий и надежный тыл.

Неудачи встретятся порою,
Но уж не ищи пути иного.
Коль ты стала офицерской женою,
Стань достойна звания такого.

Варданви Тимур

Нижний Новгород

Жизнь страху вопреки. Промокли ноги.
Костлявый дым коробит муть стекла.
Вечерняя тоска добила многих
И многих до искусства довела.

Еловый шум весенних столкновений
Над буйной безрассудной головой.
Рычи, гроза! Сражайся без сомнений!
Пока еще мне рано на покой.

Ты пробуди во мне такого зверя,
Которому когтей не занимать,
Чтоб лапой дикой мог, не лицемера,
Расчесывать черемущечью прядь.

Не смолкнет стих, не стихнет дух искусства,
Пока жив будет хоть один пиит!
Россия от безумства до безумства
На Пушкине уж двести лет стоит.

А я России сын. С не меньшим вздором
Во мне от матери живет Авось.
Многострадальным чувственным напором
Я пропитался Родиной насквозь.

Я счастлив жить на пьяном перепутье
Хмельных ветров растрепанной грозы.
Теплолюбивые мирские судьи
Сюда не тащат медные весы.

И не прошу спокойствия седого,
Я по природе с ним шагаю врозь.
Пусть в сердце бьется грозное слово,
Черемуха и вековой Авось!

Бейся, ранимое! Бейся всерьез!
Глиной измазаны гнездышки слез.
В шелковой буре запутанный след:
Лжец? Правдолюбец? Поэт? Не поэт?

Редкий талант в суете городской –
Быть, не казаться. Остаться собой.
Грубость – не выход, однако сквозит
Искренних искр ледяной дефицит.

Светлые мысли на темных кудрях
Низко повисли, застряли в камнях.
Нет, не с руки на покой за толпой...
Бейся, ранимое! В праведный бой!

Тут знать не можно – только сердцем понимать,
Что есть такое русская тоска...
Послушай, как над колыбелью воет мать,
Младенца оторвавши от соска.

Сходи к колодцу, набери живой воды,
Босым пройдишь по молодой росе.
Туман ласкает задремавшие пруды,
Скользя в объятья утренней красе.

Коснись щекой колосьев утомленной ржи,
В бескрайнем поле отыщи свой путь.
Седому небу тихо муки расскажи,
Навстречу ветру распахнувши грудь.

В лесу дремучем, старохвойном заблудись,
И сказки оживут на дне болот:
Старуха в дряхлой ступе вдруг взмывает ввысь,
Проклятьем осыпая русский род.

Войди смиренным шагом в красную избу,
Зажги свечу, согрейся у печи.
Святому Господу произнеси мольбу...
Присядь, взгляни в окно и помолчи.

Постой у гроба русского среди берез
И брось скупую горсть сырой земли.
Впитай немую горечь мутных скорбных слез
И карканью вороньему внемли.

Читай Есенина и Пушкина, читай
Всех верных правде русского пера.
Родить не смог бы столько нетоскливый край
Поэтов света, воли и добра!

Тут знать не можно – только сердцем понимать,
Что есть такое русская тоска...
Что есть такое русская тоска...
По-русски с Богом жить, страдать и умирать.

Винокурова Татьяна
Санкт-Петербург

Посылка

Плотно упакована посылка,
Где двести кило конфет –
Так думает маленький мальчик
Пяти-шести лет.

Там, верно, машинки, солдатики,
Кораблики, яркий картон,
Открытки, смешные каракули
Из сказочных дальних сторон.

Но мама не трогает короб,
И взгляд ее – белый лед.
Не знает мальчишка:
Внутри там
Отец наконец-то придет.

Без писем.
Без смеха.
Без голоса.
Без запаха табака.

Лишь номер,
Прибитый к металлу,
И росчерк грузовика.

И мама, как тонкая нитка,
Сшивает распавшийся быт.

В коробке лежит папка-копилка.
И дом тишиною подшит.

Гончарова Ангелина
Брянск

За что Россию я люблю...

За что Россию я люблю?
За белоствольные березы,
За красную, как яблоко, зарю,
За чистые, как слезы, росы.

За гор манящие вершины
И лес, что высится дворцом,
За Арктики белеющие льдины
И запах сена над моим селом.

За море Балтики и мощь Урала,
Культурный облик Татарстана.
За две прекрасные столицы
И Крыма древние станицы...

Но главное в России все же – люди!
Они открыты, искренни душой,
Всегда помогут, не осудят,
И друг за друга все горой.

Любить Россию можно вечно!
За красоту Кавказских гор,
За бурное величие Волги,
Карельских глубину озер.

На этом перечень не кончен.
Его дополнит каждый сам...
А я горжусь родной Россией
И много за нее отдам!

Денисенко Кристина
Юнокоммунаровск, Донецкая народная республика

Был

Златоуст, отшепчи февралем от ненастных дум.
Пусть случится весна там, где гарью пропах туман.
Свет сочится сквозь голые клены, а я иду,
Как по тонкому льду, ни оттуда и ни туда.

Воробьи окунаются в солнце, как в иордань.
Им неведомо, сколько минуло и лет, и зим.
Я же раненый в душу в последнем бою солдат,
Понимаю, что выстрел, как оттепель, пропустил.

Воробьи не считают потерь. Я устал считать.
Воробьям что окопы, что поле, что в поле дым.
Им бы зернышко. Мне бы домой. Лечь в свою кровать.
Отоспаться и страшным бы сном обо всем забыть.

Штурм руин, канонаду, прицел и противный свист...
А на клене, осколком под кожей, набух росток.
Воробей в камуфляже нескладен и неказист,
Но я чувствую сердцем, как он о весне поет

Здесь, где весны сроднились с войной под густой набат,
Где окурок затушен о слезы земли и сырой ковыль.
Златоуст, отшепчи... Я еще не готов принять,
Что теперь я не есть, что теперь я был.

Джикирба Хаджарат
Мгудзырхуа, Абхазия

Кавказ

Край неземного вдохновенья,
Приют заснеженных хребтов
В объятьях бурного цветенья
Густых каштановых лесов...

Любуясь этой красотой,
Горжусь я тем, что я абхаз,
Воспитанный в горах тобою,
Кавказ, Кавказ, о мой Кавказ!

И я в тени великой славы
Ношу черкеску и кинжал.
Сокрыты древние в них нравы,
Что каждый горец соблюдал.

И дух мой жив черкеской тою,
Непокоренный, как Абхаз,
Воспитанный в горах тобою,
Кавказ, Кавказ, Кавказ!

Бзыпская Абхазия

Мой край непокорной любви и цветенья,
Объят ты красою озерных долин.
Здесь стала когда-то мотивом творенья
Гремучая слава Кавказских вершин.

Наш этнос возник здесь древнейшей порою
И здесь во владенье земель он вступил,
Не раз за нее, вдохновленный тобою,
На храбрые битвы он с шашкой ходил.

У ног наших гор ты раскинут беспечно,
Ведь свято покой они твой берегут.
А мы нравам древним верны будем вечно,
Абхазами нас потому и зовут.

Пусть в сердце горит твой очаг огнеликий,
Пускай от него отвратится беда.
О Бзыпская Абхазия, край мой великий,
Господь нас с тобою связал навсегда!

Камалиев Ринат
Реутов, Московская область

Защитницы

Рожать, воспитывать, хранить очаг,
Тылы беречь, когда к ним рвется враг –
Такая доля женщин зачастую,
Что делает из женщины святую!

Но есть особая у женщин ипостась,
Что заслужила свой иконостас,
Когда при хрупкости с бойцами наравне
Сражаются девчонки на войне!

Как санитарки, как связистки, даже как
Пилоты, смело ждущие атак,
Как снайперши, что держат под прицелом
Врагов, от страха выморочно белых!

А также те, кто для бойцов поют,
Неся покой, гармонию, уют,
Для них в горячих точках выступая,
Где пуля ищет жертву, как слепая!

Защитницы! Поклон Вам до земли!
Защитникам Вы очень помогли
И продолжаете им помогать сегодня!
Поистине ведет Вас длань Господня!

Вы женственны, юны, вы красота,
Что непорочна, истинна, чиста!
И вместе с тем вы сильные героини –
Не рушат ради вас, а строят Трои!

Нельзя сказать, что не боитесь смерть,
Но вы способны через страх смотреть
И совершать геройские поступки,
На галифе с ремнем меняя юбки!

Вместе мы сила!

Потому у нас великая держава,
Что народов в ней, как золота на барме.
Нам враги желают отношений ржавых,
Но не сбыться их мечтам коварным.

Сотни ярких, сильных, самобытных
Составляющих страну народов
Слиты в нации российской монолите,
Богатырском, хоть не однородном.

Сила в том как раз, что, сохраняя
То, что дали предки нам, любовно,
Дорожа культурными корнями,
Чтим мы общерусскую духовность.

Не добьются упыри развала,
Не заложат порох под фундамент,
Потому что небо нас призвало,
Потому что нас к единству тянет.

Отмечаем Пасху с Сабантуем,
Вардавар и Хануку с Наврузом.
В горький час мы дружбу аттестуем
И на помощь приходить не трусим.

Преодолеваем все кручины,
Как герои нашего фольклора.
Под орлом с Георгием едины,
Вместе мы идем под триколором!

Вместе землю делаем светлее,
Покоряем космоса просторы!
Знаем, что вовек не околеем,
Сохраняя дух страны соборный!

Киселева Ирина

Северодвинск, Архангельская область

Истребители

Над уснувшими южными дачами
Вновь опасностью небо охвачено,
И внезапный, пронзительный гул
Легкомысленность перечеркнул.

Героические истребители
Прокатились по ночи стремительно,
Чтобы сбить беспилотник врага
И свои защитить берега.

Темнота по округе расстелена.
Взрыв раздался вдали. И растерянню
Я сквозь ужас к двери подошла,
Не дыша, испугавшись дотла.

Нет ни света, ни крика, ни паники.
Но не выжжено горе из памяти.

Багровеет над морем луна,
Нависает над миром война...

Загадаю я синь предрассветную,
Нежность встречи и высь беззвездную,
Чтобы слышать друзей голоса
И бесстрашно смотреть в небеса.

Россия

Сладким клевером и птичьими криками
Дышит ласково заря лунолика,
Рассыпается по озеру бликами...
Над водою суетится оса.
Травы шепчутся высокие, дикие,
Пробуждается Россия великая,
Собираю не спеша землянику я,
Окунаюсь всей душой в небеса.

Бесконечное и неизъяснимое,
Исцеляющее чувство внутри меня.
У него нет ни истока, ни имени,
Только теплый всеобъемлющий свет.
Вновь мой взгляд соприкасается с ивами,
Замирает над родимыми нивами
И стремится берега сиротливые
Отогреть, укутать в солнечный плед.

Я люблю тебя, страна необъятная,
Словно розовое утро, понятная,
Словно облачная даль, непроглядная,
То в лазури, то в печальных слезах.
То одетая в туман, то нарядная.
То блистешь в воде янтарными пятнами,
То тревожишь ливнем запахи мятные,
Тихой грустью отражаясь в глазах.

Что тебе, Россия, снится

Грустный север, гордый север,
Мерзлая земля.
Убаюкал ветер серый
Тихие поля.

Что тебе, Россия, снится,
Теплый свет в окне
Или вновь живые лица
Павших на войне?

Диких птиц чернеет стая
В бездне голубой,
Над седой рекой летая,
Будто над судьбой.

Горизонт в тревоге тонет.
Хлещет шквал дождей
По доверчивым ладоням
Родины моей.

Ковалев Александр
Саратов

Героям нашего времени

Я живу, наблюдая, как лучшие парни,
Чьи служебная тайна хранит имена,
Выполняют свой долг на пределе дыхания,
Чтоб за спинами их сохранилась страна.

Им исходный рубеж всем давно обозначен
И маршрут продвижения определен.
Примененье маневров в нелегкой задаче
Без огласки, чинов, званий, места, имен.

Там устройство засад и инициатива,
Упреждение противника, мастерский бой.
Только в книгах подобное очень красиво,
А на деле – других закрываешь собой.

Что за гранью для нас, то для них – не помеха.
В неизменности долгу – сомнения нет!
Через них я смотрю, как рождается эхо,
Сохранившее звук триумфальных побед!

Люблю Россию

Люблю я родину – Россию –
И сердце ей свое дарю.
Она рождает честь и силу,
Страну свою благодарю.
Люблю бескрайние просторы
И глубину озер и рек,
Куда не кинешь свои взоры,
Поймешь: здесь счастлив человек.
Люблю я тень густых лесов
И в зной прохладу ветерка,
Поляны с множеством цветов
И свежесть чистого ключа.
Люблю гул шумных городов,
Где все горит и вечный день,
И родину мою – Тамбов,
Где по весне цветет сирень.
Люблю гулять среди берез
И солнца яркие лучи.
Природа будто бы из грез –
Внимание только отлучи.
Россия – родина моя,
Ее люблю я всей душой,
Тут каждый гражданин мне родня,
Вам не найти страны такой.
Краше нет страны моей,
Родиной горжусь своей,
Много в ней таких, как я,
Мы – единая семья.

Козлова Валерия
Красниково, Тамбовская область

Место, где живет любовь

Моя любовь – моя страна,
Россия – родина моя,
Как мать для каждого одна
Родная русская земля.

Я здесь родился и живу
И с теплотой на мир гляжу –
На ширь полей, на глубь степей,
В них рай душевный нахожу.

Я утром слышу пенье птиц,
А ночью – вой лесных волчиц,
Зимой замечу зайца след,
Нас греет летом солнца свет.

Цветут чудесные сады,
У речки слышно шум воды,
И распускается душа –
Как же Россия хороша!

Ты мать, что греет и лелеет,
Отец, что вечно бережет,
Сестра, что с каждым днем светлеет,
И брат, что горе не сдает.

Всегда вела меня по жизни,
Ты – все: покой, упорство, власть.
И я уверен, что с отчизной
У нас особенная связь.

И сколько не прошло бы дней,
Я буду сердцем предан ей.
Ты безгранично мне мила,
Россия – родина моя!

Конов Антон
Екатеринбург

Пока мы вместе

Холодный ветер мчит на колеснице,
Закутывая небо в облака, –
Сегодня солнце разве что приснится,
Но наша поступь, как всегда, легка.
Рисунок звезд опишет новый круг,
Но мы останемся на нашем месте,
Пока мы вместе, друг,
Пока мы вместе.

На улицах зарубцевались раны,
Сюда не дали вновь прийти теплу.
В глазах мелькает отблеск урагана,
И мы шагаем точно по стеклу.
Ни слова клятвы не исчезнет вдруг
На нашем обреченном манифесте,
Пока мы вместе, друг,
Пока мы вместе.

Нам неподвластно заглянуть за грани,
Что над домами реют багрецом;
Возможно, завтра нас уже не станет,
Но мы с закатом встретимся лицом!
Сама земля пусть валится из рук –
Нам выпала дорога высшей чести,
Пока мы вместе, друг,
Пока мы вместе.

Взгляд в глубину
В честь императора и Рима
Шестой шагает легион...
А. С. Козлов

Говорите, история для человека нема?
Сухота протоколов
от аз и до ижицы?
Нет.
Умоляю, подобное – не от большого ума.
Настоящей историей дышится...

Лабиринты дорог, позабытых людьми,
Ничего не дадут близорукому глазу,
Но прими этот вызов, поглубже копни –
И распишется красками *tabula rasa*.
Не дано человеку уйти насовсем,
Даже вечный покой может разговориться –
На границе реальности с небытием
Нескончаемо движется лиц вереница...

Мы все реже пытаемся слышать других,
Умножаются злоба, вражда, пересуды...
Не понять легионам чертей и чертих:
В настоящей истории главное – люди.
За тобой! Неужели не слышишь? Проснись!
Тихий шепот разносят ветра по аллеям...
Шепчет Эребус.
Выдохни – и обернись.
Эвридика останется вместе с Орфеем.

Сон уходит; заря ослепляет, красна,
И с оконных глазниц наземь падает саван,
Корабли восстают с океанского дня
И на всех парусах устремляются в гавань.
Нервной рябью как будто вода ожила,
Силуэты таятся на старых полотнах...
Я не чувствую перед картиной стекла –
Значит, время признало себя побежденным.

Эта *terra incognita* вспомнит о том,
Как по небу летит колесница золотая;
Эти Темные земли, что скованы льдом,
Красотой позаброшенной вновь просияют!
За туманом густым, где-то там, в стороне,
Обретет человеческий голос эпоха...
Настоящей историей дышится мне,
И я с ней навсегда.
До последнего вздоха.

Костыркин Николай
Кишинев, Молдавия

Древлянская песня

В расписной ладье понесут сватов,
Чтоб с сырой землей сговорить их.
Что ж грустите вы, коль хором готов?
Али хочется мигом выйти?

Ох, речную гладь славно держит лед –
Засылай сватов ей ты снова!
Уж и сруб готов, и огонь пожжет
В этой бане всех до остова.

Дружно пейте мед!
Сласть ромейских вин
Да сомкнет навеки ваши очи!
Ох, суров закон всех варяжских тризн –
Перуна задобрить до ночи.

И четверта казнь: огневая тень,
Смоляна капель, птичьи крылья...
Весь истлеет в пыль город Коростень,
Общий для древлян прах могильный.

Не войдя еще в греческу юдоль,
Вас она уже покрестила
Ветром и огнем да землей с водой,
Как велели ей боль и сила.

А могли бы жить, как один народ,
Сватать по весне ваших дочек...
... – Княже Мал, вставай, Ингвар у ворот!
– Дать ему сполна, что захочет!

Бессарабская ссылка

На Родины малюсеньком обмылке,
Взобравшись на советский парапет,
Я вам пишу из бессарабской ссылки,
В которой мы уж тридцать с лишним лет.

Здесь много нас, отсылных друг от дружки,
Сменивших грусть на ежедневный труд.
Где кружка? Дай же выпить, братец Пушкин,
Орфей с Назоном скоро подойдут.

Нечасто собираемся мы вместе,
Немало на задворках ссыльных лиц,
Хоть мы задворков этих – уроженцы,
Заложники рушимости границ.
Граница отошла, и мы лишь вправо
Хранить свой прах у мелкого костра...

Мы салютуем ратям Святослава
И гвардии великого Петра.
Наследуя Днестровские плацдармы
И подвиги Суворова солдат,
Мы остаемся сиры и неправны
(Простите за буквальный переклад).

Завидуя тем пушкинским цыганам,
Которым только свод небесный – кров,
Мы пребываем в ссылке неустанно.
Внутри – тоска, печаль и вечный ZOV.

Куренев Леонид

Мортка, Тюменская область

Любуясь росной Неоглядью

Заневестилась Даль Великая,
Наша росная Неоглядь,
Для кого-то, быть может, дикая,
А по мне так – Родная мать.
Я ее в лихолетье пестовал,
Сквозь года в своем сердце нес,
Без нее не хватает места мне
И могу заскулить, как пес.

Ты такая одна, родимая,
Дорогая ты наша Русь,
Трудно станет, – опять роди меня,
И я песней к тебе вернусь.
Окунусь в синеву озерную,
Из тумана вуаль свяжу,
И скупыми словами-зернами
Свой роман о Былом сложу.

Загляжусь в твою ширь бескрайнюю,
В даль плывущие облака,
К ним в погожее утро раннее
Прикасаюсь издалека.
Любоваться тобою трепетно,
Сколько помню себя, могу,
Упаду если в землю, встречу меня
Росой утренней на лугу.

И со мною восстанет заново
Все, что кануло в глубь веков:
Исполинских свершений зарево,
Козни тайных Руси врагов.
Их водилось немало издавна,
Почитай, со времен Петра,
Книг об этом с лихвою издано,
Но доверено злым ветрам.

Русь пугала болотной тиной,
Где на страже маячил кедр,
Но манила к себе пушнинею
И дарами сибирских недр.
Уживались в ней вера в идолов
С исповеданием Христа,
Старина не хотела, видимо,
Танцевать под царев Устав.
Он же был до сих пор неслыханным:
Брить лицо и носить парик,
Отчего становилось лихо всем,
Кто не дело ценил, а крик.

Вот тогда-то и резать бороды
У спесивых бояр пришлось,
Избавляясь от тех, кто вóром был
Или просто жил на авось.
Нелегко далось Петру Первому
Завершение своих реформ,
Не жалел щедрот он для верных слуг,
Для предателей – эшафот.

Не щадя себя, строил город свой
Да невиданную страну,
Обнимая с завидной гордостью,
Словно сказочную княжну.

Шли года, вместе с ними заново
Перестраивалась Сибирь.
Средь народа, в нее «много званого»,
Воцарился желанный мир.

Не иначе, рукой Всевышнего
Ныне к нефти открыта дверь,
Дар, который совсем не лишним стал
Тем, кто выжил ценой потерь.
Я обласкан землей Кондинскою,
Мил величественный Тобол,
Где на стаю князьков воинственных
Страх великий Ермак навел.

И листая века истории,
Вновь готов на колени встать
Перед доблестными Викторией,
Совершенными Русью встарь.
И всегда, глядя в Даль Великую,
Вспоминаю наказ Петра:
Жить в ладу со святыми ликами,
Не щадя своего нутра.

Лесовик Оксана
Воронеж

Запрещаю ребенку поднимать с земли вещи

Запрещаю ребенку поднимать с земли вещи –
Эти вещи блестящи, хороши и зловещи.
Может, чья-то игрушка с неожиданным свойством:
Под пластмассовым сердцем – взрывное устройство.
Принимая в расчет огорчающий фактор,
Мы не трогаем пупса, мы не трогаем трактор.
Ухмыляются люди чрезмерной привычке.
Параноик пьет чай. И взрываются птички.

Алюминий*

«Птичье молоко». Удивительное название.
Пальцы привычно складывают фольгу,
Детство мелькает там, на краю сознания,
Будто бы волны на илистом берегу.
Память и явь замешаны, перемелены,
Те же каштаны в окнах давным-давно,
Этот же гул проспекта, и снова зелено,
Небо опять кудрявое, как руно.
Мы выдыхаем горе. Сухое, резкое.
Воеет сирена: дым в этот вой вмещен.
Алюминиевый проблеск. Птицы за занавесками.
Никто не забыт. И никто еще не прощен.

**22 июня 2026 года в День памяти и скорби ВСУ нанесли ракетный удар по одному из предприятий Воронежа, погибли мирные жители.*

Липатов Елисей
Чехов, Московская область

Два мира – одна Родина!

Четыре года, как ушла война,
Остались лишь глухие отголоски,
Пробитая осколками стена,
Обоев отвалившихся полосы.

Тут кто как мог спасался от беды,
Катком по судьбам горе прокатилось.
Бывали дни, что не было еды,
Гуманитарка чтоб дошла, молилась.

Нередкий случай – утренний прилет
В подстанцию. Опять сидим без света.
Буржуйка разогретая поет,
Зимы начало, сердце жаждет лета.

Счастливый день – письмо с большой земли:
«Ждем. Приезжай. Награды ты достойна!»
В дорогу! Миновали блок-посты
В другую жизнь, где сыто и спокойно.

Влекущий мир блестящей мишуры,
Зовут и манят пестрые витрины,
Как будто нет ни боли, ни войны,
Лишь яркие и светлые картины.

Но мозг не спит, все время начеку,
Нет шанса для минутной передышки,
И в разноцветном праздничном дыму
Он видит взрывы мин и «градов» вспышки.

Два мира, две структуры бытия:
Один, где жизнь сама уже награда,
Второй – жирует, закрома полня,
Богатства копит на пороге ада.

Проснись, Россия, Родина моя!
Пора отбросить склоки и интриги.
Мы победим, соборность сохраняя,
Иль растворимся в глобалистском иге.

Единый этнос с общей судьбой,
По темной, чуждой воле разобченный,
Мы жить должны единою семьей,
Где каждый будет равный, гордый, вольный!

Я твой сын, Россия!

Не умею кривить душой!
Я красив, как Сергей Есенин.
А еще я славный такой,
Очень умный, как Вова Ленин.

Я, как Пушкин пишу стихи,
А пою – ну прям Окуджава.
Ты со мной не умрешь от тоски.
Я – улыбка и смеха лава.

Иногда я – Олег Попов,
Иногда я – Никулин Юра.
Что поделать? Но я таков:
Смех и радость моя натура.

Кто же я еще? Подожди...
Ломоносов! Ну да, все верно!
Только ты за мной не ходи –
Беллинсгаузен я с Крузенштерном.

Я – Поддубный, когда тяжело.
А когда на краю, я – Минин.
Я всегда подставляю плечо,
Жизнь отдам, ведь я – Сиротинин.

Я – твой сын, я всегда с тобой,
Когда трудно и нету мочи.
Я – Сусанин, но я – живой,
И не важно, что жизнь мне пророчит.

Ростропович и Рерих я,
И Суворов на горных кручах.
Айвазовским люблю моря,
Шишкин я по лесам дремучим.

Им, другим, меня не понять!
И не надо аршином мерить!
У меня и душа, и статья,
И в меня можно точно верить!

Логунов Александр
Рязань

Майнкрафт

Все отложено на потом.
Все оставлено позади.
Я в Майнкрафте построил дом,
даже дерево посадил.
В этом доме родится сын,
будет видеть пример в отце.

Как ракеты, летят часы,
но не в цель.

В новостях говорят о том,
что планета сошла с ума.
Жизнь отложена на потом,
в яму катится кувырком.
Я в Майнкрафте построил дом,

а потом сломал.

Марджанишвили Милана
Петрозаводск, Республика Карелия

Моя семья – моя гордость!

Семья моя – бабушка, папа и мама,
Без них я не знаю, как можно прожить,
Без мамы лучистого светлого взгляда
И бабушки мудрых советов «за жизнь».

Семья – это Родины нашей частица,
Дороже семьи в жизни нет ничего.
Я жду не дождусь, когда это случится:
Мой папа вернется живым с СВО.

По зову Отчизны, по сердца велению
Ушел добровольцем на фронт воевать.
Мой папа из тех, кто СВОих не бросает,
И Родину с честью готов отстоять!

Совсем как отец его, дед мой любимый,
В десанте в Афгане далеком служил,
Как память хранит ордена и медали,
Геройством и доблестью их заслужив.

И память, как нить, – это связь поколений
Всех тех, кто Отчизну свою защищал,
Прапрадед мой в правом бою подо Ржевом
В окопах за Родину насмерть стоял!

В суровом военном году сорок первом
В едином порыве со всею страной
Под ураганным свинцовым обстрелом
Защитники Родины встали стеной.

Прапрадед мой, вечная долгая память!
Он так и остался навек молодым...
На фото военном в шинели солдатской
Сквозь годы глядит светлым взглядом живым...

Геройски погиб, город Ржев защищая,
Лишь несколько писем успев написать.
Я письма его, словно книгу, читаю,
Как память, которой у нас не отнять.

И в праздничный день, в день Великой Победы
По улицам сел, городов, деревень
Торжественным строем пройдет Полк Бессмертный,
Как память святая России моей.

Мне есть кем гордиться, хранить то, что вечно,
Пусть годы промчатся над брэнной землей,
В сердцах наших память живет бесконечно,
Связав неразрывные нити времен!

Мартюшева Анастасия
Первоуральск, Свердловская область

Возле «Черного тюльпана»
Нынче тихо и безлюдно.
Все же капля тут обмана,
Ведь денек сегодня будний.

Люди ходят на работу
И, быть может, по делам
В понедельник и субботу
И привычен им «Тюльпан».

Но острее, чем по книжкам,
Он сейчас напóмнит нам
О мужчинах и мальчишках,
Что забрал навек Афган.

Если сердце дрогнет снова,
Ты приди сюда однажды.
Помяни... Хотя бы словом –
И тебя услышит каждый.

От души, тирад не надо –
И цветы на монумент.
Чтоб увидели солдаты,
Чтоб услышал контингент...

Дома ждут, ребята, знайте!
Здесь молитвы все – о вас.
Молим вас: лишь не сдавайтесь,
Чтоб цвет жизни не угас,

Чтобы сердце билось чаще,
Чтобы пули – мимо вас,
Чтоб пришло однажды счастье
И настал победный час.

Вы для нас сыны едины,
Каждый, каждый из ребят.
Будьте Господом хранимы,
Каждый наш, родной солдат!

Матвеева Ксения
Новосибирск

Мужество

Мужество – не громкие слова,
Не медали броские на теле.
Это то, как держишь ты себя,
Если все мосты уже сгорели.
Это значит встать, когда упал,
И идти вперед, не зная страха.
Но друзей своих ты не предал,
Хоть в крови прилипшая рубаха.
Мужество – не в силе кулака,
А в способности остаться честным,
Даже если путь наверняка
Будет очень долгим и безвестным.
Это – верность собственной мечте,
Это – твердость духа в час сомненья.
Мужество живет в твоей душе,
Где берут начало все стремленья.

В душе моей живет Россия

В душе моей живет Россия,
Ее бескрайние поля,
И неба синь, и мощь, и сила.
Родная, милая земля!
Ложатся строчки на бумагу
Про красоту ее лесов,
Про смелость, доблесть и отвагу,
Про мудрость дедов и отцов.
Слагаю рифмы неустанно
Про ширь степей, про глубь озер,
Она в стихах моих воспета,
Пленяет мой дочерний взор.
И пусть летит по свету песня,
Что сердцем сложена моим,
Ты все любимей и заветней,
Мой край, что так душою чтим.

Не кричи о Родине с трибуны

Не кричи о Родине с трибуны,
Не стучи в литавры и набат.
Мирный сад, раскидистые клены
Скажут больше всяческих тирад.
Здесь твои негромкие истоки,
Отчего душа несется влет:
Васильки на солнечном пригорке,
Бабушкин пирог, душистый мед.
В этом все – и правда, и основа,
И любовь, что движет нас вперед.
Патриот не тот, кто красен словом,
Тот, кто жизнь отдать за Родину идет.
Кто хранит традиции и память,
Ценит жизнь и чтит свою семью.
И не пустословьем, а на деле
Сделать лучше хочет Родину свою.

Миненко Валентина

Ровеньки, Донецкая народная республика

Голосу времени

Берегите детство, детство берегите!
Время убегает, вы его храните.
Под дождем и солнцем, в зной или метели
Подрастают дети, унося апрели.

Время быстротечно, нелегки пути,
Не спешите, дети, взрослый путь пройти.
Сохраните радость, веру и мечту,
Детскую наивность, свет и доброту.

Пусть дитя играет – вволю, не спеша,
Распускаясь светом, пусть летит душа
Словно в чистом поле, и, не зная бед,
Подрастай былинкой, юный человек!

Миргородская Евгения

Мозырь, Беларусь

Домик в деревне

Домик в деревне, за окнами сад,
Ты обветшал, без хозяина сжался.
Нет, не вернуть эти годы назад,
Только один ты на свете остался.

Все разлетелись в безмерную даль
И постепенно дорогу забыли
В место, в котором любовь и печаль
Жизнь паутинкой запутанной вили.

Все позабылось: как в годы войны
Бабушка хлеб партизанам носила
И как среди гробовой тишины
Над похоронкою мужниной выла.

Домик в деревне, дверное кольцо,
Ставни обвисли, в колодце водица.
Хочется лечь на родное крыльцо,
Чтоб за тебя небесам помолиться.

Наконечная Дарислава

Чита

Ой озера мои, ой

Ой озера мои, ой...
Да стозвоны глухарей...
Степи, топи да болота,
Шапки золотых церквей...

А березы кудри-ветви
Свесят на плечи ко мне,
Забреду в лесные дебри,
Затеряюсь в тишине...

И средь белых облаков
Пролетая белым клином,
Бросит лебедь мне перо
С крыльев нежно-лебединых...

В чаще леса в старой церкви
У чернеющих икон
Свечки огонек не меркнул,
Раздавался в чаще звон...

Звон на озере огромном!
В небе птичий переклик,
Повторится все, как рондо...
Повторится этот миг...

И в зеркальности озерной
Отразятся небеса,
Это все моя сторонка,
Это все моя страна...

Ой озера мои, ой...
Да стозвоны глухарей...
Степи, топи да болота,
Шапки золотых церквей...

Окулова Лада

Очёр, Пермский край

Человека любят просто так
Не за деньги, славу или внешность.
Даже красота и доброта
Для любви не главное, конечно.
Человека любят ни за что –
Не нужны для этого причины –
Подставляют крепкое плечо
Или, если надо, даже спину.
Любят человека, вот и все,
Без его усилий и стараний
Так, как любят братьев и сестер,
Без любых на это оснований.
Любят человека и все тут –
Ценят, доверяют и прощают.
А любить людей – нелегкий труд,
Кто любил хоть раз, тот это знает.
Любят человека навсегда,
Не кончаются любовь и верность.
Коль любовь исчезла без следа,
Значит не было ее, наверно.

Мы так слепы бываем подчас
И глухи к окружающим нас.
Мы привыкли рубить сплеча
И судить о других сгоряча.
Не увидев всей сути дел,
Сколько бед человек претерпел,
Не окончив с ним разговор,
Мы выносим ему приговор.
Видим только лишь результат
И ругаем его невпопад.
Но неведомо нам, что порой
Шел на риск человек как герой,
Как изранено сердце его,
Как идти ему нелегко,
Как душа на куски рвалась,
Когда кто-то втоптал ее в грязь,
Сколько боли и мук перенес,
Сколько пролил горячих слез,
Сколько падал он и вставал...
Видим только, что проиграл.
Может быть, из последних сил
Он сражался, но... отступил.
Неизвестно еще, каково
Находиться на месте его.

До седых волос от младенчества
Человек не поймет решительно:
Отчего так счастье изменчиво?
Почему уходит стремительно?
То синицей в руки опустится,
То мелькнет журавлем за тучами,
То бежит конем необузданным
Или речкой бурлит кипучею.
То растает в тумане звездочкой.
И вдали миражом пригрезится,
Уплывет в горизонт на лодочке,
За собою поманит весело.
А потом в ладонях пригреется,
Мягким, теплым комочком съжится.
И опять неприметно развеется,
И растает в руке мороженым...
Кто его поймал, непосредное?
Кто себе подчинил окончательно
Так, чтоб песню пропеть победную,
Став навек его обладателем?
Счастье всем нам дается временно,
Чтоб ценить научились правильно.
И для каждого столько отмерено,
Сколько в силах ему управиться.

Пименов Анатолий

Наро-Фоминск, Московская область

Гранит

Суровый камень, новая плита,
Глаза б старух ее не увидали...
Им не вернут ни песни, ни медали,
Тех сыновей, что съела пустота.

Они ушли, за общий сядут стол
Защитники поселков и селений,
Герои из трех разных поколений –
И каждый в камне новый дом обрел.

Гранит, он и всего-то кровь земли;
Свернувшаяся кровь окаменела,
На холоде под бронзой онемела,
Вобрав в себя столетий корабли,

Скрип весел лодки темного Харона,
Звон погребальный, плиты и кресты,
Что взвились, как ростки из пустоты,
Им горько пел оркестр похоронный.

Гранит, в тебе мой дед и мой сосед,
Есть позолота, но ответов нет...
Гранит не замерзает никогда –
Той кровью, что внутри него всегда.

Орлы

Когда мои орлы расправят крылья
И полетят врагов страны клевать,
За ними будет наша эскадрилья,
За ними будут до утра летать.

Их будут ждать орлята молодые,
Их будут гнезда на уступах ждать,
За ними мчатся летчики лихие,
Чтоб птиц иных на небо не пускать.

Когда за ними ангел смерти встанет,
Когда услышат сзади трубный зов,
Никто с пути сворачивать не станет,
Никто не полетит в свое гнездо.

Они прорвутся над ужасной былью,
И солнце остановится опять...
Когда мои орлы расправят крылья,
И полетят врагов страны клевать.

Русский медведь

Гудит толпа, открыты рты,
Картошку топчут сапогами,
Из балаганной темноты
Карманники глядят за нами.

Всеобщий смех, единый крик,
Безумный глас забавой бредит,
Все оборвал звериный рык...
На площадь привели медведя.

Надели шутовской колпак
И все твердят: ах как красиво!
Но он медведь, а не дурак,
Непокоренный, как Россия.

Шутом не стал, колпак упал,
Погнал к чертям свою охрану,
Он, как и вся страна устал,
Панов забавить иностранных.

Цепь перегрыз и сбросил в грязь,
Панам пора напомнить снова,
Хоть и медведи мы для вас,
Россия не живет в оковах!

Платонов Андрей

Волжск, Республика Марий Эл

Молитва

Пред окопной свечою, на колени ночью встав.
Тишиною облеченный, лишь молитвой увенчав
Полумрак бессонной тенью, робко молится солдат.
Жизнь застыла на мгновенье, обращая лик назад.

На изведенную веру материнских слез души.
Боль ее не по размеру сердца пламенной тиши,
Счастье вкупе с разрывавшим грудь томлением порой.
Подвиг славу возвещавшим. Ты вернись, прошу, живой...

И солдат в тиши молился. Маму снова вспоминал.
Бой вчера жестокий длился. Он о нем не рассказал.
Да и как сказать незримо, дом во сне лишь увидав.
Вечность памятью хранима, дни на годы разменяв.

Спят товарищи несмело, из груди все рвется стон.
Боль порой пронзает тело, а душа стремится вон.
К детям, женам и заботам, что остались позади.
Пусть живой вернется рота. Мы Отчизну не сдадим!

Жизнь свечой горит нетленной. Не дадим ее в залог.
Пуля истиной мгновенной тишь разрубит, как пророк.
Слово здесь – большая ценность. Остальное – просто тлен.
Брат за брата, а не брэнность. Грез мирская жизнь – как плен.

Лишь в землянке, чуть прикрытой, не согретою зимой,
Взрывов сечью вновь избитой, фото матери родной
Греет душу, вдохновляя бросить силы ради всех.
Мир застыл, мольбе внимая, а не праздности утех.

Завтра, может, не настанет. День склоняется за днем.
Но молитва не престанет. Небу свой талант вернем.
Коль есть сила – будем биться. Здесь секунда, а не час,
Заставляет нас молиться. Тишиной беззвучных глаз...

В каждом взгляде – боль и мука. И решимость вопреки.
В вере – братская порука. Лишь победу прорекли.
Встанем мы единым строем, и пойдем на новый штурм.
Пулей свист пчелиным роем не развеет наших дум.

О победе и заветах наших предков средь невзгод.
О закатах и рассветах, что удел с любимой ждет.
Встретим после расставанья и обнимем снова мать.
Жизнь – вот истина призванья. Но пора нам в бой опять.

Догорает на рассвете вновь окопная свеча.
Он напишет строки эти, прогоняя прочь печаль.
Мать уснула за молитвой. Сын приснится ей живой.
Смерть чужой не режет бритвой. Ведь Отечество с тобой!

И падет слеза скупая на исписанный листок.
Выжить нам – судьба простая. В сердце – вечности росток.
Спозаранку выступаем. Пусть вокруг не дым – туман.
Будем живы, это знаем. Ведь надежда – не обман.

Тает свечка, но неважно. Он письмо уж написал.
Сердце бьется не вальяжно. И в молитве рассказал
За минуты все, что было в нежно любящих глазах.
И любовь преобразила две молитвы в небесах!

Единство народов России

Над землею благодатной вновь забрезжили рассветы.
Ты не будешь злом распятой, дней минувших чья заветы.
Лик небесный мир пророчит, ширь раскинув одеяньем.
Веру нашу не порочит враг невидимым касаньем.

В единении народов, зазвучит сердец биенье.
Пусть молитва станет одой, что несет в судьбе творенье.
Не пурпурным облачением, не лукавства кружевами.
Но сердечным всепрощеньем, мир венчаем с небесами.

Наша память для потомков, на истории скрижалях,
Воскрешает из обломков, новый мир в рассветных далях.
В каждом новом пробуждении, над землей парящей птицей,
Оживут в одном мгновеньи, всех героев павших лица.

Славь бескрайние просторы, в тишине благоговенья.
Лир звучащие узоры, сквозь застывшие мгновенья,
Соловиной дивной трелью, вознесут в души чертоги.
Слезы вешнюю капелью, омывают нам дороги.

Ты поистине прекрасна, вся воскресшая отрада!
Ведь надежда не напрасна – чар бессмертия награда.
Пусть разносится над миром, песня звоном колокольным.
Не склоненным пред кумиром. Стань блаженством нам привольным!

Под вечный зов колоколов

Под вечный зов колоколов ступаю с раннею зарею,
Презрев забвение веков. Томимый девственной мольбою.
К тебе молитвы я простер, живых небес благоуханье.
В душе горит любви костер. Пусть славит Господа дыханье

Рассветов шепчущей земли, в веках родившей откровенья.
Лишь словесам ее внемли – открытый вечности прозренья.
Богатство слова прореки, таланты в землю не сокрывши.
И судьбы сбывшейся строки пера движеньем обнаживши.

Представ пред ликом волшебства, в небесных далях отраженным,
Отчизны нашей естества звучит заветом совершенным
Молитвы шепот матерей. Ведь женский образ жив незримый
В лучине тлеющей твоей, простор души неизмеримый.

Земля родная – словно Мать, что воскрешает на рассвете
Всех чувств земную благодать. Мечтанья Музы о поэте.
Явилась мира красота на полотне живых творений -
Руси бескрайней широта средь вдохновенья озарений.

Рассвета рдеющий покров ланит касается смущеньем.
Сердец влюбленных нежный кров венчает деву облачением
Из света солнечных лучей, что ранним утром возродились.
И в глубине ее очей все чувства вновь преобразились,

Закатным ликом обратясь, с надеждой веры воскресенья.
Знаменьем крестным осенясь, душою, полной всепрощенья,
Молилась Русь смиренно вновь. Лишь перед Богом на коленях.
В судьбу свою вплела любовь, что напаяет мир в мученьях.

И Гефсиманский сад расцвел, политый вновь блаженной кровью.
Спаситель нас в пределы ввел чертогов вечности любовью.
Свет миру ею воссиял, в сердцах воскресшим благовестьем.
Души изведенный причал – страны родимой лик чудесен!

Здесь труд воспет простых людей, что в чудо верят не напрасно.
Пред нами множество путей, но лишь одна судьба прекрасна:
Служить России, словно сын, что не заблудшим стал скитальцем.
Но век Отчизны воскресил, служеньем жертвенным венчаться

С любимой должен человек, что называется душою.
В единстве с верою навек сольется истиной живою
Словес звучащая капель, что колокольным ранним звоном
Предвозвестит души апрель, укрыв смирения виссоном.

Рассвет воскресный вдаль зовет. И звон малиновый блаженства.
России время не минет средь естества несовершенства.
Покуда слышен Божий зов, и не смолкают храмы славой.
Не меркнет в людях та любовь, что воссияет над державой!

Сидельников Святослав
Красноярск

Россия

Господь, Россию сбереги
И сбереги ее богатство,
Не дай сгореть стране в огне
И сохрани ее пространство!

От дальних гор до ближних рек,
От Севера и до Кавказа
Пусть будет жив народ не век,
А вечность, сохранив рассказы!

Рассказы подвигов былых,
И неудач, и поражений;
Рассказы умерших, живых,
Побед, героев и сражений!

Пусть обойдет страну напасть,
Пусть ее слава воссияет;
Господь, не дай ей вновь упасть,
И вера пусть ее спасает!

Ее рождение – благо есть!
Ее спасенье – Божья помощь!
И пусть народ услышит весть,
Россия была, есть, и будет!

Смолицкая Елена
Воронеж

Куртка

Наверно, ближе нету никого,
А может быть, собака всех дороже.
«Для лающего друга моего
Оставьте куртку: без нее не сможет.
Я чую: вражий дрон меня добьет.
Не вылезу, не выползу наверно.
Так пусть хотя бы песик поживет:
Два года вместе, ласковый и верный».

Не мать с отцом, не дочка, не жена –
Собака обнимала на прощанье.
И он оставил это завещанье.
Убитому одежда не нужна...

Вот куртка, пес! Теперь она твоя.
Закутайся, ты можешь в ней согреться.
В воронке-яме – бурая земля.
И вечное тепло родного сердца.

Друг

Штурмовики. Адреналин. Стрельба.
Затишье. Сон. А после – разговоры.
– Какая, брат, нас ждет с тобой судьба?..
Два пацана сдружились очень скоро.

Но дал совет украдкой командир:
– Не прикипай душой, так будет легче.
А вдруг двухсотый? Здесь кровавый тир.
Не надо горе взваливать на плечи.

И ты сидишь у бездны на краю.
Жестока мудрость опытного бати.
Ты сможешь в бой, когда его убьют?
Здесь сантименты хлипкие некстати.

Но ты не робот – человек живой,
И друга сердце – честное, живое.
Когда гремел жестокий ближний бой –
Твой друг от пуль закрыл тебя собою.

...кругом врачи. Не помнишь ничего.
Комиссия. Дорога. Город милый.
Звонишь. Гудки.
«Нет друга твоего».
И ни кричать, ни плакать нету силы.

Раненый Воронеж *

Распласталось на черной простыни
Обнаженное тело города.
Руки-улицы пораскинуло
И закрыло свои глаза.

Снятся городу звуки музыки,
Клубы, бары, косплеи модные,
Арт-пространства, коллаборации
И притворное «мы одно».

Хорошо мы видны из космоса.
Прилетают ракеты с воздуха
И вонзаются в тело города:
«Умирай!» – говорят. Горят.

Мыли улицы ливни-слезоньки,
Но не смыли следы от копоты
И не смыли потеки кровушки.
Вой сменяется тишиной.

Рана рдеет на теле города.
Открываются с болью глазоньки.
В кулаки зажимает рученьки
Город раненый мой родной.

Просыпайся! Орут будильники,
Грозно воют средь черной ноченьки,
И под солнцем орут, надрывные.

Просыпайся,
пока живой.

* 22 июня 2026 года Воронеж был атакован ракетами. Был объявлен трехдневный траур.

Старченко Ольга

Брянская область

Хлеб

В заслуженном почете у славян
Был хлеб – великий дар земли и неба.
Пшеничный и ржаной, слегка румян.
И стол – доска, коль нет к обеду хлеба.

В скирду снопы пшеницы соберет,
Ударит цепом по снопам хозяин,
Зерно на лошади на мельницу свезет –
В семью достаток принесет селянин.

Царица – печка русская в избе
Традиции хранила вековые.
Спасибо Боженьке и, матушка, тебе:
Ты прятала секреты родовые.

Крестьянка тесто в дежке замесила
Заботливой, умелою рукой,
Слова заговоренные твердила,
Крест обозначила просеянной мукой.

Садил тесто в печку на лопатке,
На угли бережно без громких слов.
И будет в хате все теперь в порядке,
Поспеет каравай на день Христов*.

Велела детям слушаться запрета:
Коль хлеб в печи – на печке не сидеть.
Зерно лучами солнышка согрето,
Насущный хлеб – святая наша снедь.

Хлеб аккуратно мать из печки вынимала,
По нижней корочке стучала – звонкий стук –
И рушником расшитым обнимала,
И «отдыхать» носила на сундук...

Его разрезать детям не позволяют:
Откусывай или рукой ломай...
С хрустящей корочкой роскошный...
К столу добрался разомлевший каравай!

Он первый гость в крестьянском доме,
В усадьбе русской, при дворе,
Он барин в сладостной истоме,
Желанный на любом столе!

*день Христов – Пасха.

Хмельницкий Никита
Гродно, Беларусь

О самом ценном

Сапфиров, золота, алмазов
Есть много нынче на земле;
Чудны они, приятны глазу,
И ярко светятся во тьме...

Но чем ценны они? Ответьте!
Ведь это лишь пустая вещь!
Куда важнее в жизни дети
И радость долгожданных встреч!

Куда важнее знать и помнить
О близких людях и друзьях,
Творить добро и жизнь наполнить
Лишь тем, что вечно сквозь века!

Чтобы сердца людей живущих
Гордились именем твоим,
И поколениям грядущим
Ты был известен и любим!

И это станет самым ценным,
Что можно в жизни обрести!
А все иное – переменно
На нашем жизненном пути...

Щитов Иван
Санкт-Петербург

Рать

Лишь выйдет ночь лихим дозором
В просторы сумрачных полей,
Встает над Русью рать соборов
С величием богатырей.

Стоит решительно и немом
На страже сел и городов –
Мечи крестов подняты к небу,
Массивны шлемы куполов,

Недвижны каменные выи,
Кольчуг кирпичных не пробить,
Уста тяжелые, литые
Безмолвия скрепила нить.

Взметнулись копыя колоколен,
Готовы ринуться вдруг в бой...
Спи мирно, русское раздолье!
Господь не дремлет над тобой.

Из века в век, от ночи к ночи,
Поставив небо на кресты,
Глядят недремлющие очи
В бескрайность русской темноты.

В зловещем сумрачном пространстве
Святая каменная рать
Ожить готова... вмиг сорваться –
И сокрушать... и умирать.

Раскрестьяненная Русь

Рассказать бы современным чадам –
Поколению нежных детей, –
Как в пять лет седлали татарчата
В прииртышских селах лошадей.

Как дурманят скошенные травы,
И, презрев цветочную красу,
В шесть годков мальчишке уж пора бы
В руки взять отбитую косу.

Не смотря на возраст дошколенка,
Помогать с забоями отцу –
Не спеша разделявать телят
И носить свежатину в тазу.

Полюбить рыбалку и охоту
И готовить на зиму дрова.
Быть не гостем матушки-природы,
А вступать в хозяйские права...

Мы щедрот сибирских не просили
И, как предки, брали что могли –
Дети раскрестьяненной России,
Внуки раскулаченной земли.

Рассказать бы современным чадам...
Но не нужен им мой сельский стих.
Знаю я, что и мои внучата
Будут так похожими на них.

Мой ровесник, выросший в деревне,
Ты последний, Бог тебя храни,
Кто кормил зерном родную землю,
Зажигал пшеничные огни,

Пас коров, косил вручную сено,
Топором запугивал тайгу,
И, влюбляясь, больше чем соседом
Был соседской девушке в стогу.

Рассказать мне многое по силам,
Но судить кого-то не берусь...
Пред самой собой ответ Россия
Даст за раскрестьяненную Русь.

Сороконожки

Я расстроен и встревожен!
Я буквально занемог –
Ведь у всех сороконожек
Вовсе нету стольких ног.

Может быть их больше... меньше...
Только лишь не сорок пар...
Не иначе нужен фельдшер –
Для меня такой удар!

Не пойму, что это значит?
Кто мне врать так с детства мог?
При опасности не прячет
Страус голову в песок.

Ежик – хищник, и не носит
Он ни яблок, ни грибов,
Ну а мыши не выносят
Многих запахов сыров.

Кто провел нас так серьезно,
Всем неправду говоря? –
И про Дедушку Мороза,
И про батюшку-Царя,

Про идеи и примеры
В Лету канувших вождей.
Про религию и веру,
И про то, что их «важней».

Как жить дальше с тяжелой ношей
Недоверия в душе:
И к ногам сороконожек,
И к осмысленности жертв?

Я вырос там...

Я вырос там, где тихо и светло,
Где с мощью вековой под облаками
Стена тайги вгрызается в село
Мохнатыми еловыми клыками;

Где по широким плесам вешних рек
Тумены льдин кочуют к океану,
И день, как первобытный человек,
В кострах зари выходит из тумана;

Где тишина, как таинство времен...
Природы несосватанная дева,
Где ряженое солнце на поклон
К лесным богам приходит ежедневно;

Где пыль обочин пляшет на ветру
И синь озер березам моет ноги;
Где я рожден, где век я не умру –
Привольный стих проселочной дороги.

Кровавый хлеб

*Памяти жертв Западно-Сибирского
восстания*

Ты помнишь опустевшие амбары,
Беспамятная Родина моя?
Как вспоротое брюхо коммунара
Зерном кормила буйная земля,

Взяв в руки вилы, топоры и колья,
С размахом неумной голытьбы,
Поставив пулемет на колокольне
Как символ веры, правды и борьбы.

Ты видела расстрелы в поле чистом
И бронепоезд, мчащийся стрелой,
Мужицкий гнев и казни коммунистов,
Распиленных двуручною пилой...

Сибирский бунт – кровавый хлеб народа...
Каким он был – судить уже не нам.
В немой тоске таежного болота
Ишим-река – судья тем временам.

Пусть новый век летит, как ветер вольный,
Крылатые надежды затая...
Но помни пулемет на колокольне,
Беспамятная Родина моя!

Scire te ipsum*...

Познай себя и будешь вечен!
Познай других и станешь свят...
И в тот же миг расчеловечен,
Освистан миром и распят.

Прими безумие как данность,
А осуждение – как дар,
Подставив бьющим в благодарность
Вторую щеку под удар.

В садах ли пышных Гефсимани,
На Елеонской ли горе
Всем, кто предаст тебя... обманет,
Прости невыплаканный грех...

Познай себя и будешь вечен!
Познай других и станешь свят...
Но как бы ни был безупречен,
Ты будешь все-таки распят.

В садах ли пышных Гефсимани,
В красе ли Галилейских мест –
Земле, стоящей на обмане,
Как воздух нужен этот Крест.

** Scire te ipsum (лат.) – познай самого себя*

Деревня моя деревянная...

Деревня моя деревянная...
Блаженство родного угла.
Была ты лесною поляною,
Деревьями раньше была.

Мужицкая удаль построила
Нехитрые с виду дома.
Сошлась с вековыми устоями
Природная мудрость сама.

Деревня моя деревянная...
Разбитых дорог колея,
Гремящая радость баянная,
Летающая с ветром в поля.

Гульба и страда сенокосная –
Роскошество скошенных трав,
Дремучесть таежная, грозная
И светлые царства дубрав.

Деревня моя деревянная...
Избушек резные глаза.
Навеки знамена багряные
Затмили твои небеса.

С колхозным серпом в форме месяца,
С большим заводским молотком
Неслась по земле околесица,
Крича паровозным гудком.

Деревня моя деревянная
Вернулась на те же круги:
Деревьями стала... бурьянами...
Стихом... черной кровью строки.

Крестами ушла в непокорную
Зеленую вечность тайги,
Крестьянская... истая... гордая...
Великая Русь «от сохи».

Едем, едем в Сибирь!

Едем, едем в Сибирь!
В Прииртышскую ширь,
К полноводному царству налимов.
Где Ураш и Утьма,
Где еловая тьма
Из урмана встает горделиво.

Едем, едем скорей!
Ашаванский бурень
Потревожим в ночи фитилями.

Ждут нас жаркий июль,
Эбаргуль, Басаргуль,
Тебендинские топи и хляби.

Ждет нас Кызыл-Тура,
Где как будто вчера
Правил ханством Ишимским Саргачик.
Ждут Суя, Иткамза,
Голубые глаза
В предвечерние сумерки пряча.

Едем, едем в Сибирь!
Где Иртыш – богатырь
Вырывает с корнями деревья.
Где напевно стучит
И скворцами кричит
Сердце русской глубинки – деревня.

Кулай

Смотрит взором юродивым
Обездоленный край.
Кто сослал тебя, Родина
На далекий Кулай?

Не забоем, не копиями
Усмирен сибиряк...
Васюганскими топиями
У реки Ягыл-Яг.

Целый век прошел вроде, но
Мер у памяти нет...
Кто твоей кровью, Родина,
Окропил партбилет?

Русь, была ль ты кулацкою?
Иль заядлый марксист
Лишь за удаль «батрацкую»
Гнал тебя за Васисс?

Черемшой... не смородиной
Встретив с легкой руки,
Кто судил тебя, Родина,
По законам тайги?

Годы – мертвые статуи,
Барабанная дробь...
Совесть века двадцатого –
Васюганская топь.

Якимович Мария
Мозырь, Беларусь

Мне нравятся люди
В глазах с огоньками,
С большими мечтами,
Друзья, а не судьи.
Мне нравятся лица,
Что светятся счастьем,
Помогут участием,
С размахом, как птицы...
Мне нравятся души,
Что тянутся к свету
И ищут ответы
Внутри, не снаружи...

Моя семья – кусочек счастья,
То целый мир, где любят, ждут,
И клеят в целое все части,
Души моей земной приют.

Семья, как мало и как много...
Там столько слез, улыбок, веры...
Моя далекая дорога
Ко всем, кто в меня просто верит...

Семья. На самом деле семь нас...
Мы неделимы, как неделя.
Сем пар ушей, и семь же глаз,
Но дух один, он в каждом теле...

Семья... Исток любви. Священный...
Хоть в гости редко приезжаю,
Мне время там всегда бесценно.
Я там любима. Твердо знаю!

Главное чудо – жить!
Теплым пусть будет хлеб,
Нежной – рука отца,
На все вопросы ответ
Несут с небес облака.
Мягкой – твоя постель,
Добрым – товарищ, друг,
А по весне – капель,
Счастье в глазах вокруг.
В каждую голову – мысль
Мира, блага, добра,
В каждое действие – смысл,
Труд в каждый угол двора.
В каждое сердце – любовь,
Смеха детей в каждый дом,
Теплых и ласковых снов,
Фото на память – том!
И в каждый стих – слова,
Чтобы искру разжечь!
Пусть зеленеет трава!
Пламенной будет речь!
Каждому миру – мир!
Духу – искриться, светить!
Каждое сердце, верь:
Главное чудо – жить!

Раздел 4

«Я сердцу не лгу»

Аленцына Екатерина

Домодедово, Московская область

Небо красным румянцем алеет.
Рядом, голову тихо склонив,
Ты сидишь, и мы оба не смеем
Даже вздохом спугнуть этот миг.

Ветерок залетевший остудит
Наш по-детски безудержный пыл,
Он неопытность не осудит –
Сам быть может когда-то любил...

Мы так молоды, мы так незрелы
И, застыв в единения час,
Ощущаем горячие стрелы,
Что пронзают безжалостно нас.

Летний вечер исполнит желание,
Нас окутав увядшим теплом:
Ты целуешь меня на прощанье
В этот тихом покое ночном.

Небо красным уже догорает,
После ночи наступит рассвет.
Сохраним ли любовь, мы не знаем...
Впереди много лет... Много лет...

Алтунина Анна

Иркутск

Осколки

Я разбита на осколки –
Их не склеить, не собрать
Все готова сделать только,
Чтобы снова целой стать.

Я ходила до Парижа,
Чтобы сшили мне каркас
И портной осколки вышил
Между кружев, блеска страз.

Мне кузнец помочь пытался
Из железа вылить так,
Чтобы точно не сломался,
Но в итоге вышел брак.

Я разбита на осколки –
Их не склеить, не собрать.
Я разбита – это только
Чтобы новой формой стать.

Бадалян Марина

Армавир, Краснодарский край

До нас с тобой

До нас с тобой не пели птицы
И не цвела сирень весной,
И в сладкой жизни наши лица
Так не сияли под луной.
Так не блестели в небе звезды,
Не пахло теплою весной,
Не веяли прохладой ночи
До нас с тобой, до нас с тобой.
Качались сухо ветви ивы,
И ветер странствий все гулял,
Туман, окутавший все нивы,
За дымкой песни распевал.
Казалось, плыли дни и ночи,
И все казалось лишь игрой.
Застыло время, стало точкой
До нас с тобой, до нас с тобой.

Бобылев Дмитрий

Санкт-Петербург

Короткий промежуток меж дождей,
Из сосен ты мне светишь желтой курткой.
Деревья и черника – все в воде:
Как будто отраженья, только утка

Не разметает этот мир, проплыв,
Он неподвластен внешнему движенью.
Качаются скрипучие стволы
В такт нашему с тобой воображенью.

Тебя здесь принимают за свою
Лисички тоже в желтом, и навстречу
Выскакивают. Я уже люблю,
И даже – вечер, даже – зябкий вечер.

Варданви Тимур

Нижний Новгород

Настроение – демисезон.
Треск асфальта на талых частотах
Поглощает, кривясь, нечистоты,
Через грязь пропустив горизонт.

Самолет застегнул небеса.
Перезябли. Живут нараспашку.
Сняв с себя, я послал им рубашку,
Не коснувшись строки «адресат».

Принебесная почта мудра.
Все течет по заветным законам.
Вопреки вероломным циклонам,
Снова смог я доплыть до утра.

Я не помню, что было вчера.
Я не знаю, что будет сегодня.
Я готов. На все воля Господня.
Снова смог я доплыть до утра.

Чистый дождь мне промочит глаза,
Горизонт пропустив через лужу.
Оголтелый я. Сердцем наружу
Созерцаю мои небеса.

Солнце мохнатое трется о стены,
Лижет теплом равнодушный бетон.
Небо прыщавое, вскрыв себе вены,
Сумраком алым навесило сон.

Кончики пальцев осипшей печали
Вяжут пушистые слезы для щек.
Помнишь тот вечер? Закат на причале,
Огненный запад и лунный восток.

Волжская пена щекочет запястье,
Слышится запах далеких костров.
Ты мне шептала об истинном счастье,
Счастье пугливым, о счастье без слов.

Ветер хлестал и листал твои губы,
Что-то искал меж оборванных фраз.
Так и не понял наивный и глупый:
Правда покоится в омуте глаз.

Время уехало первой маршруткой,
Бросив рюкзак ностальгии в окно.
Что-то серьезное умерло шуткой,
Плохо рассказанной кем-то давно.

Грубые чайки вовсю закричали,
Облаком бурным склевали мой сон.
Ночь. Пустота. Я один на причале.
Грею за солнце холодный бетон.

Дмитриева Светлана
Ленинградская область

Колыбельная Маше

Закончится скоро февральская стужа,
Прольется ручьями растаявший снег.
Кто раньше был дорог – вдруг станет не нужен,
И сердце облегчит неистовый бег.

Прощальная песня застынет слезою, –
В последнем аккорде щемящая боль.
Я вечно хочу над твоей головою
Быть солнцем, быть небом и синей луною.

И синей луною мне вспыхнуть позволю?..

Когда опускает прозрачные сети
На сонную землю красавица-ночь,
Мы снова невинны, невинны как дети,
И снова никто нам не в силах помочь.

До боли зажатых прекрасной рукою
Последних аккордов смертельная грусть...
Высокой и сильной, красивой – такую
Я скоро запомню тебя наизусть.

Пижама надета, щека на подушке,
И что-то такое поет тишина.
Не плачь, не терзайся, не думай о сущем –
Все раны твои исцеляет весна.

Смыкаются сами усталые глазки,
Желаю «спокойной», откланявшись прочь.
И снова душа погружается в сказку,
Где нас охраняет пришедшая ночь.

Поезд Санкт-Петербург – Вологда

Пустой вокзал. И поздний вечер.
Мой шаг бесцелен и угрюм.
Несостоявшаяся встреча –
Предмет больных и тяжких дум.

Еще чуть-чуть, и ярким светом
Блеснет твой поезд, вслед маня.
Ты будешь в нем, ты будешь где-то,
Но будешь дальше от меня.

Не знаю где – вагон не назван,
К окошку мне не подойти.
Нам путь друг к другу был указан,
Но разошлись на полпути.

Уж никогда не доведется
Ладонь к стеклу мне приложить.
С собой отчаянно бороться
И вновь себя заставить жить...

Уж никогда твой низкий голос
Не потревожит мой покой.
Как будто сердце раскололось,
Вновь пораженное тоской...

Уж никогда в моей ладони
Твоя покой не обретет.
Прости за все и зла не помни,
Но помни только: все пройдет.

Прощай навек, мой синеокий,
Мой белокурый ангелок.
Я вижу свет в ночи глубокой
И нашей встречи эпилог.

Прости меня за эту дерзость,
Но лучше, если будешь знать:
Мне в этот вечер так хотелось
За этим поездом бежать!

Елисеева Надежда
Обнинск, Калужская область

Ощущения

Закатный шар запутался в ветвях,
И где-то на охоту вышел марабу.
Костлявою рукой в поддельных перстнях
Цыганка старая расскажет мне судьбу.

В пропахшем табаком подвальном казино
Клубится едкий дым от дорогих сигар.
Все общество в бокал с сухим погружено –
Не разглядеть, кто шут и кто из них дурак.

В неярком отблеске вечерних фонарей
Несутся наугад богатые купе.
А смех трефовых дам острее всех гвоздей,
Забитых впопыхах в холодной злой борьбе.

Вечерний город задевает мягко струны,
И роза белая в саду хрупка и ароматна.
За горизонтом солнце заплетает руны,
И я иду туда, чтоб не прийти обратно.

Камалиев Ринат
Реутов, Московская область

Насдвоение

Настроение? Нет, насдвоение!
Мы с тобой по жизни вдвоем,
Осенив половодье весеннее,
Формируем любви водоем!

Мир нередко коряжист и сумрачен,
Но великая сила родства
Помогает не хныкать и умничать,
А вершины красот открывать!

Даже в радости, младости, сладости
Притаился лазутчиком ад,
Только тщетны попытки нескладные
Нас отбросить куда-то назад!

Дважды два будет пять, если надобно!
Все заслуженно будет твоим!
Твое счастье – чудесное снадобье,
А твой взор – песня песней любви!

Пусть шакалы отчаянно скалятся,
Ничего не удастся у них!
Наши души – невеста-красавица
И нарядный защитник-жених!

Каримова Надежда
Набережные Челны, Республика Татарстан

По утрам по дому гуляет ветер,
Раздувает шторы, как паруса,
И некрепкий сон продлевает детям,
Напевая тихо про чудеса.

На рассвете им снится то, что будет,
Трогает улыбка румянец щек.
На рассвете мама детей не будит,
Если сладко спится – поспи еще.

И пока их дом океан качает,
Ветер подгоняет, мечты зовут,
Снятся корабли, снятся крики чаек,
Дети улыбаются и растут.

Ковалев Александр
Саратов

Мое православие

Я Православие люблю
И сам к нему я отношусь.
Перед иконами стою
И покровителям молюсь.

Они с написанных икон
Прямо в глаза мои глядят.
Большое множество веков
Всех опекают и хранят.

И церкви шапки куполов
На солнце бликами блестят.
Очистить душу кто готов,
Они всегда в себя вместят.

Молитв великие слова
Невидимый пронзают свет.
Их суть единственно права –
Слаб перед Богом человек.

И Ангел, что меня хранит,
Ни на секунду не уйдя,
За чистотой души следит,
Во мне хорошее будя.

Колоколов церковный звон
Как будто будит ото сна.
Меня насквозь пронзает он,
И на душе цветет весна.

Я верю, ангелы стоят
За человеческой спиной,
Не отдыхают и спят.
И у меня есть тоже свой.

Не знаю, что ждет впереди,
О милости к себе прошу.
Но крест нательный на груди
Я без сомнения ношу!

Колюбин Максим
Тверь

Предъюньские дни провожают неспешно домой,
Приоткрытыми окнами пущенный солнечный зайчик
Мне навстречу летит, по скамье пробежав дворовой...
Ощущение детства, в нем дышится как-то иначе,

Даже если пернатая песня уже не нова
И забор обветшалый последней штакетиной машет –
Все такой же зеленой растет у дороги трава,
А поблизости радует пчел неприметная кашка.

Заменяв суетой всеобъемлющей детства пору,
Беззаботность прошла – окунулась в минувшие вёсны,
Но печаль я поглубже в карман потайной уберу
И хотя бы на миг пацаном притворюсь несерьезным

В этом месте, где утро умоется чистой росой
И оранжевый холст над рекой неподвижно повиснет,
За собою упрятав тайком полумесяц косой,
Открывая просторы для истинных радостей жизни.

И пускай повзрослел за седыми березами вслед,
Но смотрящими гордо наверх, будто время бессильно
Накренить их уставшие головы к черной земле –
Восхищаюсь, как прежде, моей необъятной Россией!

Конкина-Белоусова Елена
Саранск, Республика Мордовия

Пахнет лето грозой и мятой,
Пахнет медом, парным молоком.
Пахнет в поле травой примятой
И зажженным в ночи костерком.
Пахнет липой и скошенным сеном,
Пахнет солнцем от папиных плеч.
И березовым пахнет поленом,
Что подкинула бабушка в печь.
Пахнет лето полынью и пылью
И охапкой травы луговой.
Пахнет сказкой, детством и былью –
Тем, что было когда-то со мной.

Королева Ульяна
Санкт-Петербург

Для тебя

Для тебя мне не жалко ни слов, ни печали, ни грусти.
Даже волн меланхолий, где тает кровавый закат.
Март растопит снега, но твой образ меня не отпустит.
И, коль стрелки бегут, ничего не воротишь назад.

Повзрослеть мы успеем, давай насладимся походом:
Рюкзаки и палатки, до неба игривый костер.
Тишина пробудится от пары знакомых аккордов,
В унисон голоса, и на озере – лунный узор.

Романтичнее ночи едва ли могли мы представить.
А что будет потом, не предскажет искуснейший маг.
Расскажи мне сейчас свои мысли, сомненья оставив,
И мы сделаем к долгому счастью уверенный шаг.

На краю горизонта два мира сливаются в неге –
И вокруг никого не осталось, мы только вдвоем.
И та сказка, где счастлива Таня и юный Онегин,
Есть на свете, лишь стоит поверить в нее.

И когда через серые тучи проклянутся звезды
И с мечтой о весне наконец-то вздохнет Петербург,
Знай: ничто не бывает потеряно или же поздно,
Это просто виток новой жизни, завернутый в круг.

Мягким эхом твой шепот в ночи назовет мое имя,
И простое «привет» просочится, как солнечный свет.
Я пойду за тобой в ледники, океан и пустыню,
И спасу твою жизнь, чтоб улыбку увидеть в ответ.

Куцевалов Игорь
Мозырь, Беларусь

Вослед за мною увязался дождь,
Давя мешком воспоминаний плечи,
Когда меня прельстила чья-то ложь
Про то, что время и дороги лечат,
И я уйти от прошлого решил,
Что с городом моим войной разбито,
И не придя к тому, к чему спешил,
Жизнь растранижил, как песок сквозь сито.
И на всю жизнь догадки боль свежа,
Что не найти чудес на свете этом:
От памяти своей нельзя сбежать.
Не смог и я. И с горя стал поэтом.
Навек со мною рифм и строк упряжка,
Как верная, любимая дворняжка.

Лесов Вячеслав
Модиш, Израиль

Контур и каркас

В пустой квартире остывает чай.
Предметы утверждают свой предел:
Комод суров, углы остры, и край
Стола у пыльных окон потемнел.

Вещь без тебя становится мертва,
Она стремится к плоскости, к нулю.
И все мои остывшие слова
С трудом ложатся в тихое «люблю».

Но ты приходишь и ломаешь ось,
Впуская воздух в этот душный паз.
И то, что прежде замерзало врозь,
Вдруг обретает контур и каркас.

Липатов Елисей
Чехов, Московская область

Ветер

Ветер рыщет по опушке,
Ветками по крыше бьет.
Вьюгой лижет дверь избушки,
Волком воет в дымоход.

Выдувает ритм фокстрота,
Водит снежный хоровод,
Веет хладом на болота,
Выстилая настом брод.

Валит мягкие сугробы,
Волны катит по полям,
Ведь шалит разбойник, чтобы
Веселее было нам.

Встану рано. Будто в сказке!
Все вокруг белым-бело.
Вытащу на двор салазки –
Вон как горки намело!

Валенки на босу ногу,
Выбегаю из ворот.
Вить родная вниз по логу,
Восхищение берет!

Мартюшева Анастасия

Первоуральск, Свердловская область

Пахнет ладаном у храма,
Слышен звон колоколов.
Мы не мерились крестами,
Мы несли в сердцах любовь.

Перезвоны-переливы –
Для души отрадней нет,
Так чисты и чуть тоскливы,
Убереечь помогут свет.

В храм всегда открыты двери.
Ярко блещут купола.
Всем воздастся по их вере,
Всем воздастся по делам.

Засыхают в вазе астры,
Умер день в календаре.
Ветер – мрачный и несчастный –
Разгулялся на дворе.

На снегу, как капли крови,
Прошлогодня листва.
Мысли вольно, непокорно
Разлетелись по слогам.

На столе лежит записка,
Но ее не сберегу.
Почерк резво-неказистый
Отразит мою судьбу.

Лист измят и так печален,
Тишина шуршит в углу.
Со стихами попрощаюсь,
Лишь с тобою – не смогу.

Пусть засохнут в вазе астры.
Дни умрут календаре,
Мне бы знать о том, что счастлив,
Где-то ходишь по земле.

Приходи, если очень захочется,
Если просто решил прийти.
Приходи, если вдруг одиночество
Одолеет совсем в пути.

Приходи, если зимы снежные.
Приходи, если плачет дождь.
Приходи... Приходи, конечно же,
Если встречи, как я, ты ждешь.

Приходи, если сломлен усталостью,
Если раны уж нечем лечить.
Приходи за великим, за малостью –
Я еще ведь способна любить.

Расскажи, если круг замыкается
Или трудно (не дай тебе Бог).
Не броди лишь, прошу, неприкаянно
Среди мыслей моих и строк.

Матвеева Ксения

Новосибирск

Не плачь, душа, что так сложилась жизнь.
Мы просто неотесанными были
И как примерно б ни старались жить,
Не безупречны мы – и все-таки грешили.
А нас Господь однажды спросит за грехи
И наказание, пусть какое, да назначит.
Но то добро, чем не скупилась мы,
Оно ведь несомненно что-то значит.
Не плачь, душа, покаяйся, слез не лей.
К чему винить минувшую дорогу?
Грехи ничтожны, а добро ценней!
Оно как пропуск в рай и милость к Богу.
Что не сложилось, впредь не вспоминай.
Судьба, выходит, так распорядилась.
Ты с наслаждением жизнь воспринимай,
Живи во благо, что бы ни случилось!

Окулова Лада

Очёр, Пермский край

В ночи глухой, в холодной мгле
Горит далекое оконце.
Там свечка тает на столе
И плачет, что она не солнце.
Что ей планету не согреть,
Не осветить весь мир сияньем,
Что суждено ей здесь сгореть,
Отдав лишь слабое мерцанье.
А где-то далеко в ночи
Усталый путник улыбнется.
Увидев слабый свет свечи,
Он с тропки верной не сойдет.
И этот свет во тьме ночной
Ему ценней, чем пламя солнца.
Мрак отступает пред свечой,
А та все плачет на оконце...

Когда бушует непогода,
Метелью, вьюгами, дождем,
На сердце мрачно отчего-то,
Я помню – у меня есть дом.
Там ярко светится окошко,
Как будто кораблям маяк.
Там чай горячий, плед и кошка,
Там пристань верная моя.
Я все преграды одолею
Для тех, кто меня дома ждет.
Родные руки обогреют
Мне сердце смерзшееся в лед.
И не влекут меня, не манят
Чужие яркие огни.
Под свист декабрьского бурана
Меня прельщают не они.
Мой путь домой, туда, где светит
Мне огонек во тьме сплошной.
Приду домой сквозь снег и ветер –
И снова станет хорошо.

Пименов Анатолий

Наро-Фоминск, Московская область

Святой Сампсон

Развейте, ветры, тучи над полями,
Лети же, воронье, не клуй солдат,
Дожди стекают вдовьими слезами,
А там, под небом, прозвучал набат.

Сампсоньевский собор колоколами
Разбудит в небесах полтавский гром,
Между героев славных над врагами
На землю вновь опустится Сампсон.

Небесный врач и бедных покровитель,
Странноприимец, исцелявший всех,
Был для народа во Христе учитель,
Он бесов изгонял, болезнь и грех.

Молитвами поднял Юстиниана
Болевшего со смертного одра,
А с неба заживлял солдатам раны
И вел к победе армию Петра.

Полтавское сражение шумело,
Валились кони, и со всех сторон
России артиллерия гремела –
И сверху их благословил Сампсон.

Он рядом со страною и поныне,
Небесный врач и человек простой,
Уходит смерть солдата по пустыне,
Ее молитвой отогнал Святой.

Молитесь за Россию

На Волге, на Оби, на Свири,
И на Дону, и на Неве,
На Лене, на Амуре, в мире
Молите Бога о стране.

В лесу, в песках, на побережье,
В забое или в стенах тюрьмы,
Вдали от дома, в зарубежье
Молитесь, верные сыны.

И в поле, где растет люцерна,
Над люлькой или же в обед,
Молитесь, дочери, усердно,
Молитесь, сыновьям вослед.

Молитесь с памятью о чуде,
Молитесь маловерно, но...
Молитесь за Россию, люди!
Молитесь вместе, заодно.

Седые храмы миром дышат,
Как миро, свежая роса...
И в небе ангелы услышат
Простого люда голоса.

Платонов Андрей

Волжск, Республика Марий Эл

Посвящение Борису Богаткову

Когда перо стремится ввысь, струясь в заоблачные дали.
Судьбе призыванием явись, ведь в каждом облике предстали
Явления истин средь веков. Словес невидимые лики.
В душе воскресшая любовь печатью станет дел великих.

Служитель истины пером предначертал скрижали мира.
Склонен в раздумиях челом, не зримым образом кумира,
Явившись в славе вешних грез, восстал над славой поколений.
Но правду ревностно вознес живым звучаньем откровений.

Вновь шепот алчущей мольбы смешался с лирою свершений.
Мгновенья полнятся борьбы, в пути нелегком средь лишений.
Словес коснувшаяся длань развеет пепел всех сомнений.
В душе зардевшаяся рань воскреснет явью пробуждений.

Все славь биением сердец, вершитель сей живого слова.
Примерь призывания венец, под сень вступив родного крова.
Увидишь негу звездных чар, небес серебряной капли.
Преславлен сей оживший дар, что строки искренне воспели.

Шуршат осеннею листвою страниц открывшиеся судьбы.
В них образ подлинной живой воспели близкие всем люди.
Здесь труд взошел на пьедестал живым явлением славы века.
Судьбой Отечества предстал в рожденье веры человека.

Не смолкнет память на пути, своим великим откровеньем.
Огнем сердец ты нам свети, небес коснувшись вдохновеньем.
Свеча затеплится твоя, ревнитель правды и творенья.
Пред миром снова предстоя, вершишь нетленные мгновенья.

Пейзаж мгновений освещен очей ликующих пыланьем.
Благословеньем осенен и первоздания касаньем.
Хранишь истории рассказ, что завещаньем стал для мира.
Богатством слова без прикрас восстав над ним средь жизни пира.

Моменты полнятся веков свершений сбывшимся прозреньем.
Сердца свободны от оков звенящих лир преображеньем.
Пера явившаяся стать звездой сияет средь забвенья.
Лишь вдохновения печать рассветом станет просвещенья.

Свеча затеплится твоя небес невидимой десницей.
Души порывы не тая, предстань открывшейся страницей
Всем взорам шепчущей волны, словес внимающей теченью.
В них судьбы верою полны, укрывшей мир своею сенью.

В заветах славных жив народ, несущий знамя поколений.
Сквозь время выпавших невзгод пусть воссияет лик свершений,
Что миру дарит благодать. Блаженства подлинные строки.
Пусть правду будут воспевать в сердцах воскресшие пророки!

Ваш путь сияньем облачен воскресших звезд в небесной выси.
Служеньем миру освещен, зардевшись вновь явлением мысли.
Рождая раннюю зарей златые нити вдохновенья.
Сердец ликующих семей запечатлев венец свершенья!

Мгновений сбывшиеся сны лелеет искренний мечтатель,
Звучащий струнами весны. Открытый пламенный искатель.
Пусть миг на прожитом пути вас осенит благословеньем.
Весь мир бескрайний просвети души своей преображеньем!

Рождественский свет

Звезда сверкнула в небесах, земле грядущим улыбаясь.
Звучит блаженством в чудесах, покровом вечным облакаясь
В рожденье славы, что навек Заветом с Божией десницей
Венчал смиреньем человек, и пред Небесною Царицей

Хвала не смолкнет средь веков, и в сонм молитвенных прошений
Дары незримые волхвов в душе обилием свершений
Несет с надеждой целый мир. Здесь ладан, золото и смирна.
Звучит в ночи небесный пир, и радость истинно всемирна.

Звезда в ночи зажглась свечой, что дивной ангельскою вестью
Сердца не кутает парчой из сладострастья нежной лести.
Но глас звучит, волшебна ночь. Рассвет божественный прощенья.
Развеет мрак греховный прочь, и смерть не властна обольщенья

Над покаянным естеством, что чудо вновь преобразило,
Сойдя на землю божеством. И славит ангельская сила
Младенца подлинной любви. И Богородицы молитва
Прекрасна рдеющей зари, венцом смирения овита.

Весь мир земной и в небесах, на миг застыв благоговейно,
Отринул смерти вещий страх, воспев всеславы не елейно,
Пред царским ликом преклонясь, лелея смутные надежды.
Но с ликованием обратясь к звучавшим истинно прежде

Благовестимым словесам о покаянье и прощенье.
Воздайте славу небесам, в незримом трепетном смущеньи!
Царю не девственных земель, что кровью Божьей не омыты.
Звучит пророком менестрель, чьи откровенья не забыты.

Но Сам Спаситель возвестил Своим рождением от Девы,
Что мир явленьем Он простил за грех Адамовый и Евы.
Пленен в оковы человек, страстями мира увлеченный.
Но покаянья меч вовек, над сатаною вознесенный,

Разрубит пути всех цепей, на свет низводит из темницы.
Воды живой Его испей, отринь безумие денницы,
Что восстает из недр души, шепча лукаво с наслажденьем.
Лишь правду Божию верши. Христос родился откровеньем!

Непрост земной из терний путь, что должен быть смиренно пройден.
И каждый должен мир вернуть, ведь дар небесный приумножен.
Младенец смотрит на тебя. Любовью полон взгляд превечный.
Но ты ответишь ли любя? И судьбоносной ждешь ли встречи?

Звучит блаженство, как рассвет. Застыло небо в изумленье.
Лишь с человечеством завет – в глазах младенца отраженье
Чудес бессмертья. Лик души отныне вновь преобразился.
Ему поверьте, совершив всеславы то. Христос родился!

Сарычева Анастасия

Рязань

Дорога к счастью

Прекрасен мир! Ты только посмотри:
Пылают здесь рассветы и закаты.
Создатель, видно, землю сотворив,
Решил добавить красок мириады.

Как чисто небо прямо надо мной
И воздух, что наполнен ароматом,
Он пахнет, может, скошенной травой,
А, может, распутившейся лавандой.

Ты помнишь, как мечтали обрести
Мы, наконец, свободу как награду?
Казалось, что все будет впереди,
Что скоро все разрушатся преграды.

Мы ошибались, ведь уже тогда
Огромный мир открыт был перед нами.
Но мы как будто шурили глаза
И, вдаль смотря, о чуде все мечтали.

Ты в мир чудесный двери отвори,
И озарится светом жизнь внезапно.
Теперь с тобой, мой друг, нам по пути –
Мы вместе будем строить наше завтра!

Смирнова Кристина

Смоленск

Лирический герой

Сентябрь, ливень, сборник Фета,
Я и лирический герой.
Мы неразлучны до рассвета
И скованы одной строкой.

Скажи, о чем мечтаешь ночью.
Поведай, как твои дела.
Твоя душа так непорочна,
А в сердце – кузница тепла.

Жаль, ты живешь в печатных книгах.
Твой образ собран со страниц.
И не найдешь тебя по миру
Средь тысяч незнакомых лиц.

Ты плод фантазии и смысла,
А не желанный плод любви.
И каждый может только мысленно
Представить все твои черты.

Ни адреса и ни портрета,
А только книга и тетрадь.
Ты пленный острого сюжета,
Который можно пролистать.

Трефилова Галина

Вологда

Жизнь моя терпкая, хрупкая, ясная,
Белая, черная, синяя, красная,
С запахом трав и листы колыханием,
С детскими криками, визгом, шептанием.

С радостью яркой, слезами горячими,
Звездного неба бездонными кручами,
С лампой вечерней, тьму разгоняющей,
С алой лампадой, во мраке сияющей.

Жизнь моя странная, добрая, краткая,
Сладко-угрюмая, нежно-внезапная,
С ветром и войнами, веснами, тучами,
Древне-старинная, звонко певучая.

Усманова Ксения

Новосибирск

Дым сигаретный от тлеющей искры струится,
Блеклой кириллицей будет он в воздухе виться,
До канцелярии неба доносит истории –
Надежды осадок, продукты чужой меланхолии.
Там, в бюрократии облачной, круглые сутки,
Без выходных, без обеда и с толикой скуки,
Без регистрации строгая запись ведется
Всего, что устами людей к небесам воздается.
Там и молитвы стандартные пафосных храмов,
Стенания офисных клерков – и злых, и усталых,
Отчаянный зов кому больно и жить тяжело,
И грезы детей, в своих мыслях творящих кино.
Но угол особый в архиве небес занимают
Те просьбы, что в даты особые к небу вызывают,
Просьбы по стандартному прайсу здоровья и счастья,
Богатства – и чтобы на сдачу прогнали ненастья.
По форме небес утвержденной тебе пожелали,
Чтоб люди любимые, близкие все понимали.
Не нужно вздыхать и глаза к потолку возводить:
Для счастья порой сигареты лишь нужно купить.

Хмельницкий Никита

Гродно, Беларусь

Дорогая, любимая мама!

Дорогая, любимая мама!
Как же жаль, что тебя уже нет...
Твоя смерть – это вечная рана,
Что больнее всех тягот и бед...

Хоть была ты слаба и бессильна,
Хоть могла лишь едва говорить,
Я по-прежнему верил, что сына
Ты не сможешь заставить грустить!

И жила еще в сердце надежда,
Что мы будем с тобою гулять,
Что здоровой ты станешь, как прежде,
И друг друга мы сможем обнять...

Но теперь это все уж мечтанья
Моей грешной, скорбящей души...
Так прости же меня! Дорогая!
И во сне мне хоть что-то скажи...

Пусть недолго, хоть лишь на мгновенье,
Вновь увижу тебя я живой!
Обниму, попрошу извиненья,
Попрощаюсь с любимой тобой...

И молить буду Бога я слезно,
Чтоб избавил тебя он от бед,
И в раю, если это возможно,
Чтоб встречала ты солнца рассвет...

Ну а ты, перед Господом стоя,
Попроси, чтоб простил он меня...
Чтоб послал тишины и покоя,
Все благое во мне лишь храня.

И я знаю: мы встретимся снова!
В благодатном и славном раю!
Ведь Господь есть надежда, основа,
И ему я судьбу отдаю.

О жадности

Известна всем людская слабость
К земным богатствам и деньгам,
Но не приводит к счастью жадность,
А лишь сулит проблемы нам...

Ведь от нее уж нет покоя,
Боишься что-то потерять,
И в узах вечных наша воля,
Ведь жадность сложно покорять!

И вот, богатства все считая,
Не видя близких и родных,
Про честь и совесть забывая,
Мы покидаем мир живых...

И находясь от смерти в шаге,
О чем ты думать будешь, друг?
Ведь не спасут земные блага
От адских, страшных, вечных мук...

И лишь тогда ты осознаешь,
Зачем нам грешным жизнь дана...
И боль с печалью испытаешь,
И вспомнишь близких имена...

Но изменить нельзя бывшее...
И будешь ты себя винить
За то, что мира и покоя
Не смог при жизни полюбить...

Так осознай, пока не поздно,
Что не богатством счастлив люд,
А человечностью и дружбой
Мы обречем земной уют!

Рождество

Вот уж листья все опали,
Холодает с каждым днем,
Грусть ушла, а с ней печали.
Зимних праздников мы ждем!

Много их веселых, славных,
Но один важнейший есть:
Мир ликует православный,
Ведь Христос родился днесь!

Но не в теплом, чудном доме
На земле явился он,
В бедных яслях, на соломе
Был Спаситель наш рожден.

Не для власти и богатства
Сына Бог к нам всем послал,
Для спасения и братства,
Чтоб наш люд мудрее стал!

Чтобы помнили мы вечно,
Жизнь дана нам для чего:
Не грешили чтоб беспечно,
А творили всем добро!

Чтобы бедным помогали,
Уважали всех людей,
Чтобы близким мы не лгали,
И учили так детей.

Если ж светлыми мы станем,
То не будет в жизни бед,
Ведь Господь пребудет с нами,
И всегда нам даст совет!

Чолак Степан
Комрат, Молдова

Филин

Мечтаю губ коснуться, да бессилён,
Разделены десятком тысяч сажён.
Стоя над вами, словно дикий филин,
В любви был слабоумен и отважен.

Печален рок судьбы необратимой,
Не свить гнезда на выпилённой ветке.
Лелею образ женщины любимой,
Что снится мне, за изгородью клетки...

Шестакова Елена
Санкт-Петербург

Переломанная

Переломанная,
как линия
Со страниц геометрии,

Не знаю, какими ветрами
(восточными муссонами, наверное)
Тебя занесло
в мой учебник,

Сколько километров
(я считала – их тысяча восемьсот)
Ты был на гребне,

почему тебя опрокинуло
и зачем
приливом чертовым
Кольским
приволокло.

Это все не имеет веса,
это все не имеет смысла
в доказательстве теоремы
из треугольников, чувств и
морской
пены

О том, что любая,
Даже самая ровная линия,
переломится,
если
ей
этого
бесстыдно
хочется,

но не более.
Но не более.

Щитов Иван
Санкт-Петербург

Грузовики грызут дороги...

Грузовики грызут дороги
В безумном пении колёс.
А у берёз такие ноги...
Такие руки у берёз.

Дорога выжрана резиной,
С боков обглодана водой...
А я ласкаю грудь осины –
Такой живой и молодой...

Дорога шепотом бетонным
Связала крепко города,
Но я, как в юности влюбленным,
Уже не буду никогда –

Слоняться пламенным подростком
Вдоль обессиленных дорог,
Где я любовь к родным берёзкам
Для русской девушки сберег.

Красные маки

У красных маков чёрные сердца –
Обманчива их пламенная внешность...
И лгут легко красивые глаза,
Скрывая мир бессовестный и грешный.

Чёрна натура яркого огня,
И волчья мгла за красочным закатом.
Нет, не обманет нежностью меня
Та, у которой ночь души за взглядом.

Порой двулична... двойственна краса,
И грязь дорог жива под белым снегом.
У красных маков чёрные сердца...
Как после них поверить человеку?

Память губ

Память губ, как память мира.
Поцелуй, улыбка, стих...
Все, что сердцем так любимо,
Сохраняется на них

Отпечатком покоя
Человеческой души:
Имя, сердцу дорогое
И признание в тиши,

Всеблагое «Аллилуйя»
И слова...
Как не злословь,
Эти крылья поцелуй
Камнем падают в любовь.

Багровея, как порезы.
Сочетаясь в унисон,
Как живые волнорезы
И волны мятежный сон.

Снега

Какие белые снега
На свете белом...
И кто-то вывел облака
Как будто мелом.

Какие белые дома
По всей округе,
Как будто их взяла зима
Снежками в руки.

Какие белые мосты,
Белее дыма.
И королевой белой ты
Проходишь мимо.

Свобода белого стиха
В твоей походке.
И жизнь, как белая река
Для белой лодки.

Какая светлая печаль
У зимней ночи.
Столба фонарного свеча
Сгорать не хочет.

И белоснежные следы
В проулках тают.
И на душе от чистоты
Земной светает.

Поэзия

Кто говорит: «поэзия в высотах»,
Тот никогда поэзии не знал.
Всегда она живет в глубоких водах,
В невидимых чертах подводных скал.

Сокрытый жемчуг в белозубом море –
Поэзия – не легкость, не полет...
Морские слезы мирового горя,
Душа цветка, вмурованная в лед.

Причал

Моя книженция – причал,
Где я безмолвно
Читаю море по ночам,
Листаю волны.

Страницы звездной тишины
Без аннотаций,
Да иллюстрации луны
В полночном глянце...

Зачем мне пыль библиотек?
Скупая лира...
Волны чарующий разбег –
Вся мудрость мира.

Вскипай... пиши для вечных скал
Стихи прибоя.
Все, что любил, желал, искал,
Прочтет лишь море...

Старик

Старик сидел, бровей не хмурия, –
Не веселился, не ворчал.
Не веря в праздничную бурю,
Многозначительно молчал.

Гуляла свадьба с молодыми,
Кружился в танце ресторан.
И в громкой музыке, как в дыме,
Веселье плыло по столам.

Кричали спьяну: «Горько! Горько!»,
Чтоб горечь жизни превозмочь.
Старик спокоен был и только
Смотрел на радостную дочь.

Что в счастье беглом и незрячем
Опять не слушала отца...
Любовь была ненастоящей,
С неотвратимостью конца.

Все знал старик и все предвидел:
Измены, исповеди, плач...
Но был не более чем зритель
В театре скорых неудач.

Гуляй же, свадьба, грусть сметая!
И ложе брачное готовь...
Здесь есть любовь! Любовь святая...
Одна – отцовская любовь.

Весна

Весна весь город обнимает
Кипучей зеленью листвы,
А он совсем не понимает
Разбушевавшейся весны.

Спешит куда-то утром рано,
Не замечая невзначай
Зеленоглазого тумана –
Лесную родину скворчат.

Весна выводит на свирели
Рулады птичьих голосов
И тычет ветками сирени
Слепому городу в лицо.

Но он, как будто бы контужен,
С негласной истиной своей
По изумрудно-серым лужам
Идет вдоль красочных аллей.

Давно постиг он все законы
И не пленят его всерьез:
Дубов высоких Аполлоны,
Киприды стройные берез.

В делах он буйно расцветает,
Дороги строит и мосты,
Но никогда не разгадает
Простую формулу весны.

Юсупов Глеб

Нефтекумск, Ставропольский край

Ну где же ты, лето?

Лето заплутало по дороге,
С маем обнимая облака,
В бурном и любовном диалоге
Солнца закрывая зеркала.
Ветер их качает и уносит,
Сладкою прохладою поит,
Май взаимности и страсти просит,
Лето пока таять не спешит.
День проходит серою волною,
В небе стоят тучи, как стена,
Щит для света мутной пеленою
Луч не пропускает для тепла.
Лету пришло время встрепнуться,
Новый яркий проложить маршрут!
Птицы с песней летнею вернутся
И тепло на крыльях принесут.

Якимович Мария

Мозырь, Беларусь

Научи улыбаться заново,
Для тебя быть смешной, послушною,
Сквозь житейские все экзамены
Видеть четко дорогу к лучшему.

Научи меня верить встречному,
Тыл вверять тебе без сомнения,
У камина пить чай до вечера,
В мир рождая стихи-творения.

Научи засыпать в объятиях,
Как ребенок, без тени мыслями,
Все удары пускать по касательной,
С сердцем легким, душою чистою.

Когда женщина смотрит в небо,
Зацветают вокруг ромашки,
Оживают в душе напевы
И уносятся к Богу пташкой...

Когда женщина смотрит в небо,
Замирают вокруг мужчины,
И становится колос хлебом,
Утихают войны, бесчинства...

Когда женщина смотрит в небо,
Остывает вулканов лава,
Столь прекрасной землей целебной...
Слава женщине, слава, слава...

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аленцына Екатерина 68
Алтунина Анна 68
Бадалян Марина 68
Баженов Александр 40
Баранова Елизавета 40, 41, 42
Беннер Анастасия 4, 12, 43, 44
Бобровская (Ларионова-Бобровская) Ирина 16, 17
Бобылев Дмитрий 44, 45, 68
Боровский Илья 45, 46
Бугрова Майя 46
Варданви Тимур 47, 68, 69
Винокурова Татьяна 48
Воронков Артем 4, 13, 17, 18
Герасимов Сергей 18
Гладченко Жанна 4, 6, 7, 8, 9
Гончарова Ангелина 48
Денисенко Кристина 48
Джикирба Хаджарат 18, 49
Дмитриева Светлана 69
Дудкина Марта 19
Дудкина Милана 19, 20
Елисеева Надежда 70
Иванова Дарья 4, 10
Исаенко Мария 20
Кайгородова Анжелика 21
Камалиев Ринат 21, 49, 50, 70
Каримова Надежда 70
Кириллова Елена 22, 23
Киселева Ирина 50
Ковалёв Александр 51, 71
Козлова Валерия 51
Колюбин Максим 23, 71
Конкина-Белоусова Елена 24, 71
Конов Антон 52
Королёва Ульяна 72
Костыркин Николай 52, 53
Крох Анна 24
Куренёв Леонид 53
Куцевалов Игорь 72
Лесов Вячеслав 25, 72
Лесовик Оксана 54
Липатов Елисей 4, 14, 25, 26, 54, 55, 72
Лисовиченко Елена 73
Логунов Александр 55, 73
Марджанишвили Милана 55
Мартыненко Юрий 26
Мартюшева Анастасия 56, 74
Матвеева Ксения 56, 57, 74
Миненко Валентина 57
Миргородская Евгения 26, 27, 57
Наконечная Дарислава 57
Никульникова Екатерина 27
Окулова Лада 4, 14, 58, 74, 75
Пешкова Маргарита 28
Пименов Анатолий 4, 14, 29, 30, 58, 59
Платонов Андрей 30, 31, 59, 60, 76, 77
Плотникова Эвелина 4, 11
Сарычева Анастасия 32, 78
Сивая Александра 32
Сидельников Святослав 61
Смирнова Кристина 78
Смолицкая Елена 61, 62
Старченко Ольга 62
Толкачев Владислав 32
Трефилова Галина 78
Трошина Мария 33
Тюкин Антон 34
Усманова Ксения 35, 78
Федорова Вероника 4, 10
Федорова Марина 35
Хмельницкий Никита 63, 78, 79
Цвирко Алина 36
Чолак Степан 80
Шамардина Юлия 36
Шатовкин Виталий 3
Шестакова Елена 80
Шпиякина Дарья 36
Шугаипова Екатерина 4, 12
Щитов Иван 37, 38, 63, 64, 65, 80, 81, 82
Юсупов Глеб 82
Якимович Мария 38, 66, 82

СОДЕРЖАНИЕ

Шатовкин В. Десятилетие, наполненное стихами	3
Слово во имя жизни	4
Раздел 1. Созвездие победителей	5
Раздел 2. «Спасибо за память, потомки»	15
Раздел 3. «Я слышу твой голос, Родина»	39
Раздел 4. «Я сердцу не лгу»	67
Алфавитный указатель	84

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

Белякова Е. С.
Девяткова А. В.
Игнатова Л. А.
Кузнецова К. И.
Фомичева И. Б.

«Ради жизни на земле»: Сборник стихов финалистов Международного конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова / Вступительная статья В. В. Шатовкина ; дизайн, верстка Л. А. Игнатовой, начальника рекламного-издательского отдела МБУК ЦБС Октябрьского района. – Новосибирск: МБУК ЦБС Октябрьского района, 2026. – 86 с.: ил.

**Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»**

630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru

Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru

